

Андрей Сапковский

ВЕДЬМАК

Крещение огнем

Иллюстрации Дениса Гордеева

Анджей Сапковский
Ведьмак. Крещение огнем
Серия «Сапковский с
иллюстрациями», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23192192

Ведьмак. Крещение огнем / Анджей Сапковский: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-101703-3

Аннотация

Огонь полыхает над разоренными войной землями, пожирая целые народы и стирая с карт границы прежних государств. И по этим горьким землям, заполненным беженцами и дезертирами, солдатами и мародерами, чудовищами и людьми, что в единый миг стали зверее зверя, идет беловолосый ведьмак – с мечом за спиной и искрой надежды в сердце. Идет, сам толком не зная куда. Идет, потому что не может не идти. Но, чтобы осилить этот путь, нужно выдержать крещение огнем. Испытание на прочность. Испытание на верность. Испытание, из которого никто не выйдет прежним... Сага А. Сапковского давно занимает почетное место в мировой традиции жанра фэнтези, а Геральт стал культовым персонажем не только в мире литературы, но и в универсуме компьютерных игр. Пятая книга из цикла «Ведьмак»

впервые выходит с иллюстрациями Дениса Гордеева, созданными специально для этого издания.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Анджей Сапковский

Ведьмак. Крещение огнем

Andrzej Sapkowski

Chrzest ognia

Copyright © Andrzej Sapkowski, 1996

© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский

язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Крещение огнем —
в громе, в полях сражений
вспомни о нем.
Не было завершенья —
войны вершились пламенем,
или племена —
на битвы.
Больно по мне бил
голос набата,
страшная правда преданий,
отсвет огня рыжего.
Но вы — не предали,
братья мои по оружию...¹*

Dire Straits

¹ Перевод с английского Н. Эристави.

...И сказала гадалка ведьмаку: «Вот тебе мой ответ – обуь ботинки с подошвами железными, возьми в руку посох железный. Иди в тех железных ботинках на край света, а дорогу перед собой посохом ощупывай, слезой окропляй. Иди сквозь огонь и воду, не останавливайся, не оглядывайся. А когда сотрутся подошвы железные, изотрется посох железный, когда от ветра и жары иссохнут очи твои так, что боле ни одна слеза из них истечь не сможет, тогда на краю света найдешь то, что ищешь и что любишь. Может быть».

И пошел ведьмак сквозь огонь и воду и не оглядывался. Но не взял ни башмаков железных, ни посоха. А взял только свой меч ведьмачий. Не послушался он слов гадалки. И хорошо сделал, ибо была это плохая гадалка.

Флоуренс Деланной
Сказки и предания

Глава первая

В кустах дебоширили птицы.

Склон балки покрывала плотная, густая масса ежевики и барбариса – идеальное место для гнездовья и кормежки, поэтому неудивительно, что тут прямо-таки кишмя кишела птица. Самозабвенно расточали трели зеленушки, щебетали чечетки и славки-завирушки, то и дело раздавалось звучное «теньк-теньк» зяблика. «Зяблик тенькает к дождю», – подумала Мильва, невольно взглянув на небо. Туч не было. Но зяблики всегда тенькают к дождю. А немного бы дождя не помешало.

Место напротив устья котловинки было прекрасной позицией, обещавшей удачную охоту, особенно здесь, в Брокилоне, пристанище всякой живности. Владеющие обширным лесным районом дриады охотились очень редко, а человек отваживался заходить сюда и того реже. Жаждающий мяса и шкур ловчий сам становился объектом ловли. Брокилонские дриады были безжалостны к пришельцам. Мильва

имела случай убедиться в этом на собственной шкуре.

Чего-чего, а уж зверья в Брокилоне было предостаточно. Однако Мильва сидела в засаде уже больше двух часов, а на расстоянии выстрела еще никто не появлялся. Охотиться на ходу она не могла – стоявшая месяцами сушь выстлала почву хворостом и листьями, хрустевшими при каждом шаге. Сейчас только неподвижность в засаде могла завершиться успехом и принести добычу.

На лук присела бабочка адмирал. Мильва не стала ее пугать. Наблюдая за тем, как бабочка складывает и раскрывает крылышки, она одновременно смотрела на лук, новое приобретение, которому все еще не могла нарадоваться. Она была, как говорится, лучницей от Бога, обожала хорошее оружие. А то, которое сейчас держала в руке, было лучшим из лучших.

За свою жизнь Мильва сменила множество луков. Она училась стрелять из обыкновенных ясеневых и тисовых, но быстро отказалась от них в пользу чутко реагирующих на малейшее движение руки ламинированных, которыми пользуются дриады и эльфы. Эльфы луки были короче, легче и удобнее, а благодаря комбинации дерева и сухожилий животных гораздо «скоростнее», чем тисовые, – выпущенная из них стрела достигала цели быстрее и летела по более пологой траектории, что значительно уменьшало возможность сноса ветром. Самые лучшие экземпляры такого оружия с четверным изгибом носили у эльфов название *zefhar*, пото-

му что изогнутые плечи и грифы лука напоминали именно такой рунический знак. Мильва пользовалась зефарами уже несколько лет и считала, что вряд ли найдется лук, который бы превосходил их.

Но наконец напала и на такой. Было это, конечно, в Цидарисе, на Морском базаре, славившемся богатым выбором удивительных и редких товаров, которые моряки привозили из самых дальних уголков мира, отовсюду, куда только добирались их когги и галеоны. Мильва всякий раз, как только выпадала возможность, посещала базар и осматривала заморские луки. Именно там она приобрела лук, который, как она решила, послужит ей долгие годы, изготовленный в Зеррикании зефар, усиленный шлифованным рогом антилопы. Этот лук она считала идеальным. Целый год. Потому что год спустя, на том же самом лотке, у того же самого купца увидела другое чудо.

Лук пришел с дальнего севера. Прекрасно сбалансированное оружие шестидесяти двух дюймов в размахе, плоские ламинированные плечи, склеенные из перемежающихся слоев благородной древесины, вываренных жил и китового уса. От лежавших рядом экземпляров его отличала не только конструкция, но и цена – и цена-то и обратила на себя внимание Мильвы. Однако стоило ей взять лук в руки и испробовать, как она, не колеблясь и не торгуясь, заплатила все, что требовал купец. Четыреста новиградских крон. Конечно, такой сногшибательной суммы при ней не было. Она тут же

продала свой зерриканский зефар, связку собольих шкур и чудесной работы эльфийский медальончик – коралловую камею, обрамленную речными жемчугами.

Но не сожалела. Никогда. Лук был невероятно легкий и идеально меткий. Хотя и не очень размашистый, он таил в своих композитных плечах сильный удар. Снабженный прикрепленной к очень точно изогнутым грифам шелково-конопляной тетивой, он при двадцатичетырехдюймовом натяжении давал шестьдесят пять фунтов силы. Правда, существовали луки, дававшие даже восемьдесят, но Мильва считала это перебором. Выпущенная из ее «китовьей» шестидесятипятки стрела преодолевала расстояние в двести футов за время между двумя ударами сердца, а на ста шагах сохраняла силу, вполне достаточную, чтобы запросто уложить оленя. Человека же, если он был без лат, прошивала насквозь. На зверя крупнее оленя и на тяжеловооруженных людей Мильва охотилась редко.

Бабочка улетела. Зяблики по-прежнему шебуршились в кустах. И по-прежнему ничто не выходило на выстрел. Мильва оперлась бедром о ствол сосны и принялась вспоминать. Так просто, чтобы убить время.

Впервые она встретилась с ведьмаком в июле, через две недели после событий на острове Танедд и начала войны в Доле Ангре. Мильва возвращалась в Брокилон после почти двадцатидневного отсутствия. Она привела остатки команды

скоя'таэлей, разгромленной в Темерии, когда «белки» пытались пройти на территорию охваченного войной Аэдирна. Команда думала присоединиться к восстанию, поднятому эльфами в Доле Блатанна. Им не повезло. Если б не Мильва, с ними было бы покончено. Но они нашли Мильву и убежище в Брокилоне.

Сразу по приезде она узнала, что в Коль Серрае ее срочно ждет Аглайиса. Мильва немного удивилась. Аглайиса стояла во главе брокилонских целительниц, а глубокая, богатая горячими источниками и пещерами котловина Коль Серрая была местом лечебниц.

Однако она откликнулась на вызов, думала, речь идет о каком-нибудь лечащемся элфе, который хочет с ее помощью связаться со своей командой. Увидев же раненого ведьмака и узнав, в чем дело, прямо-таки взбеленилась. Выскочила из грота с развевающимися волосами и все возмущение выместила на Аглайисе.

– Он меня видел! Видел мое лицо! Ты понимаешь, чем мне это грозит?

– Нет, не понимаю, – холодно ответила целительница. – Это Gwynbleidd, ведьмак. Друг Брокилона. Он здесь с новолуния. Уже четырнадцать дней. И пройдет еще какое-то время, прежде чем он сможет встать и нормально ходить. Ему нужны вести из мира, вести о его близких. Доставить их можешь только ты.

– Вести из мира? Да ты в своем уме, духобаба?! Ты хоть

знаешь, что творится сейчас на свете за границами твоего спокойного леса? В Аэдирне – война! В Бругге, в Темерии и в Редании неразбериха, великая ловитва! За теми, кто поднял восстание на Танедде, гоняются повсюду. Кругом полным-полно шпионов и ан'гиваров. Хватит одного слова, достаточно губы скривить где не надо, и уже палач в яме тебя каленым железом пришпарит. И что, мне идти на разведку, пытать, известия собирать? Шею подставлять? И ради кого? Ради какого-то паршивого ведьмака? Он мне что, брат, сват? Нет, ты точно разума лишилась, Аглайиса!

– Ежели ты намерена и дальше орать, – спокойно прервала дриада, – то идем поглубже в лес. Ему нужен покой.

Мильва невольно оглянулась на выход из грота, в котором только что видела раненого. «Хорош парень, – невольно подумала она. – Правда, худ, кожа да кости... Башка белая, но живот плоский, словно у парнишки, – видать, труд ему друг, а не солонина с пивом...»

– Он был на Танедде, – отметила, не спросила она. – Бунтовщик.

– Не знаю, – пожала плечами Аглайиса. – Раненый. Нуждается в помощи. До остального мне дела нет.

Мильва отмахнулась. Целительница славилась нелюбовью к болтовне. Но Мильва успела наслушаться сообщений дриад с восточных границ Брокилона, знала уже все о событиях двухнедельной давности. О рыжеволосой чародейке, явившейся одновременно с магической вспышкой в Брокилон, о

калеке со сломанными рукой и ногой, которого она притащила в лес и который оказался ведьмаком, Гвинблейддом, Белым Волком, как его называли дриады.

Вначале, рассказывали дриады, неизвестно было, что делать. Заляпанный кровью ведьмак то кричал, то терял сознание. Аглайиса делала ему временные перевязки, чародейка ругалась. И плакала. В последнее Мильва совершенно не верила – кто-нибудь хоть раз видел плачущую чародейку? А потом пришел приказ из Дуен Канелль, от Среброглазой Эитнэ, владычицы Брокилона. Чародейку отпустить. Ведьмака лечить.

И его лечили. Мильва видела. Он лежал в гроте, в лохани, полной воды из волшебных брокилонских источников, его укрепленные в шинах и на вытяжках конечности были опутаны плотным покровом из лечебных выюнов конинхаэли и побегов пурпурного окопника. Волосы белые, ровно молоко. Он был в сознании, хотя те, кого лечили конинхаэлью, обычно чуть ли не трупом валяются, бредят, их устами говорит магия...

– Ну? – Невыразительный голос целительницы вырвал ее из задумчивости. – Так как? Что ему сказать?

– Чтобы шел ко всем чертям, – проворчала Мильва, поправляя оттянутый кошелем и охотничьим ножом пояс. – И ты туда же, Аглайиса.

– Твоя воля. Я не принуждаю.

– Верно. И не принудишь.

Она не оглядываясь пошла в лес меж редких сосен. Она была зла.

О ночных событиях на острове Танедд в первое июльское новолуние Мильва знала из бесконечных разговоров скоя'таэлей.

Во время Большого Сбора чародеев на острове вспыхнул мятеж, пролилась кровь, полетели головы. Армия Нильфгарда как по сигналу ударила на Аэдирн и Лирию, началась война. А в Темерии, Редании и Каэдвене все сосредоточилось на «белках». Во-первых, потому что, кажется, взбунтовавшимся чародеям на Танедде пришла на помощь команда скоя'таэлей. Во-вторых, потому что вроде бы какой-то то ли эльф, то ли полуэльф кинжалом прикончил Визимира, реданского короля. Повсюду бурлило, словно в котле. Кровь эльфов текла рекой...

«Да, – подумала Мильва, – может, и верно болтают жрецы, мол, конец света и Судный день уж рядом. Мир в огне, человек не только эльфу волк, но и человеку, брат на брата с ножом идет... А ведьмак лезет в политику и пристает к бунтовщикам. Ведьмак, который только для того существует, чтоб по миру болтаться и вредящих людям монстров кончать. Сколь существует мир, ведьмаки никогда не давали себя втянуть ни в политику, ни в войны. Недаром же сказывают сказку о глупом короле, который хотел ситом воду носить, зайца гонцом сделать, а ведьмака воеводой посадить. А тут, нате вам, ведьмак в мятеже супротив короля пострадал,

в Брокилоне от кары хорониться вынужден. Нет, и впрямь конец света пришел. Точно!»

– Здравствуй, Мария.

Мильва вздрогнула. У стоящей при сосне дриады глаза и волосы были цвета серебра. Заходящее солнце окружало ее голову кроваво-красным ореолом на фоне пестрой стены леса. Мильва опустилась на одно колено, низко склонила голову.

– Здравствуй, госпожа Эитнэ.

Владычица Брокилона засунула за лыковый поясок золотой ножик в форме серпа.

– Встань. Пройдемся. Хочу с тобой поговорить.

Они долго шли по заполненному тенями лесу, маленькая среброволосая дриада и высокая девушка с льняными волосами. Ни та, ни другая не прерывали молчания.

– Давно ты не заглядывала в Дуен Канелль, Мария, – сказала наконец дриада.

– Времени не было, госпожа Эитнэ. До Дуен Канелль от Ленточки долгая дорога, а я... Ты же знаешь.

– Знаю. Устала?

– Эльфам нужна помощь. Ведь я помогаю им по твоему приказу.

– По моей просьбе.

– Во-во. По просьбе.

– Есть у меня еще одна.

– Так я и думала. Ведьмак небось?

– Помоги ему.

Мильва остановилась, отвернувшись, резким движением отломив зацепившуюся за платье веточку жимолости, повертела в пальцах, кинула на землю.

– Уже полгода, – сказала она тихо, глядя в серебристые глаза дриады, – я рискую головой, провожу в Брокилон эльфов из разгромленных команд. А как токо передохнут, раны подлечат, вывожу обратно... Мало тебе? Недостаточно я сделала? Каждое новолуние темной ночью на тракт отправляюсь... Солнца уже боюсь, ровно летучая мышь или сова какая...

– Никто не знает лесных тропок лучше тебя.

– В дебрях мне не узнать ничего. Ведьмак вроде бы хочет, чтобы я вести собирала, к людям пошла. Это бунтовщик, на его имя у ан'гиваров уши наставлены. Мне самой никак невозможно в городах показываться. А вдруг кто распознает? Память о том еще жива, не засохла еще та кровь... А много было тогда крови, госпожа Эитнэ, ох много.

– Немало. – Серебристые глаза пожилой дриады были чужими, холодными, непроницаемыми. – Немало, правда твоя.

– Если меня узнают, на кол натянут.

– Ты осмотрительна... Ты осторожна и внимательна.

– Чтобы добыть сведения, о которых просит ведьмак, надо забыть об осторожности. Надо расспрашивать. А сейчас любопытствовать опасно. Если меня схватят...

– У тебя есть контакты.

– Умучают. Заистязают. Либо сгноят в Дракенборге...

– Ты – мой должник.

Мильва отвернулась, закусила губу.

– Да, должник, – сказала она горько. – Не забыть.

Она прикрыла глаза, лицо вдруг сморщилось, губы дрогнули, зубы стиснулись сильнее. Под веками призрачным, лунным светом той ночи бледно забрезжило воспоминание. Неожиданно вернулась боль в щиколотке, схваченной ременной петлей, боль в выворачиваемых суставах. В ушах загудели листья резко распрямляющегося дерева... Крик, стон, дикое, сумасшедшее метание и жуткое чувство охватившего ее страха, когда она поняла, что ей не освободиться... Крик и страх, скрип веревки, раскачивающиеся тени, неестественная, перевернутая земля, перевернутое небо, деревья с перевернутыми кронами, боль, бьющаяся в висках кровь... А на рассвете – дриады, вокруг, веночком... Далекий серебристый смех... Куколка на веревочке! Дергайся, дергайся, куколка, головкой книзу... И ее собственный, но чужой визгливый крик. А потом тьма.

– Да, должник. Конечно, – повторила она сквозь стиснутые зубы. – Да, конечно, я же всяк, снятый с веревки. Похоже, пока я жива, мне с этим долгом не расплатиться.

– У каждого свой долг, – сказала Эитнэ. – Такова жизнь, Мария Барринг. Долги и кредиты, обязательства, благодарности, расплаты. Что-то кому-то должен сделать. А может, себе самой? Ведь если по правде, то каждый всегда распла-

чивается с самим собой, а не с кем-то. Любой долг мы выплачиваем самим себе. В каждом из нас сидит кредитор и должник одновременно. Главное – уравновесить этот счет. Мы приходим в мир как частица данной нам жизни, а потом все время только и знаем, что расплачиваемся за это. С самим собою. Для того, чтобы в конце концов сошелся баланс.

– Тебе дорог этот человек, госпожа Эитнэ? Этот... ведьмак?

– Дорог. Хоть он и сам этого не знает. Возвращайся в Коль Серрай, Мария Барринг. Иди к нему. И сделай то, о чем я прошу.

В котловинке хрустнул хворост, скрипнула ветка. Громко и зло прозвучал крик сороки, взлетели зяблики, мелькнув белыми правильными перышками. Мильва затаила дыхание. Наконец-то!

«Чек-чек, – крикнула сорока. – Чек-чек-чек». Снова скрипнула ветка.

Мильва поправила вытертый до блеска, на славу послуживший кожаный наплечник на правом предплечье, вложила кисть руки в прикрепленную к грифу лука петлю. Вынула стрелу из плоского колчана на бедре. Автоматически, по привычке проверила острие и оперение. Стержни стрел она покупала на ярмарках, выбирая в среднем одну из десятка предложенных, но перья прилаживала всегда сама. У большинства готовых стрел были слишком короткие воланы, и

укреплены они были по оси стрелы, а Мильва пользовалась исключительно стрелами со спиральными воланами длиной не менее пяти дюймов.

Она наложила стрелу на тетиву и устоялась на выход котловинки, в зеленеющее между стволами пятно барбариса, отягощенного гроздьями красных ягод.

Зяблики улетели недалеко и снова принялись тень-тень-кать. «Ну иди же, козочка, – подумала Мильва, приподнимая и натягивая лук. – Иди. Я готова».

Но косули пошли по балке в сторону болотца и источников, питающих ручьи, впадающие в Ленточку. Из котловинки вышел козел. Стройный, на глаз фунтов сорока весом. Он поднял голову, застриг ушами, потом повернулся к кустам, сорвал ветку.

Стоял он удачно – задом. Если б не ствол, заслонявший цель, Мильва выстрелила бы, не раздумывая. Даже попав в живот сзади, стрела прошла бы его и добралась до сердца, печени или легких. Попав в бедро, она рассекла бы артерию, животное тоже должно было бы вскоре пасть. Мильва ждала, не освобождая тетивы.

Козел снова поднял голову, сделал шаг, вышел из-за ствола и слегка повернулся. Мильва, удерживая тетиву в полном натяжении, мысленно выругалась. Выстрел в переднюю часть тела был нежелателен: наконечник вместо легкого мог угодить в живот. Она ждала, сдерживая дыхание, уголком губ чувствуя соленый привкус тетивы. Это было еще од-

но большое, прямо-таки неоценимое достоинство ее лука – пользуясь она более тяжелым или не столь тщательно изготовленным оружием, она не смогла бы так долго держать его в натяжении, не рискуя утомить руку и снизить точность выстрела.

К счастью, козел наклонил голову, сорвал выступающую из мха траву и повернулся боком. Мильва спокойно вздохнула, прицелилась в область легкого и мягко отпустила тетиву.

Однако ожидаемого звука ломаемого наконечником ребра она не услышала. Козел подпрыгнул, взвизгнул и скрылся, сопровождаемый хрустом сухих веток и шорохом листьев.

Несколько ударов сердца Мильва стояла неподвижно, окаменевшая, словно мраморная статуя лесной русалки. Лишь когда все звуки утихли, она отвела правую руку от щеки и опустила лук. Отметив в памяти, куда побежало животное, спокойно села и оперлась спиной о ствол. Она была опытной охотницей, браконьерствовала в господских лесах с малых лет, первую косулю уложила, когда ей было одиннадцать, первого четырнадцатилетнего оленя – по невероятно-му охотничьему везению – в день своего четырнадцатилетия. А опыт говорил, что никогда не следует спешить за подстреленным животным. Если попала хорошо, козел должен пасть не больше чем в двухстах шагах от устья котловинки. Если попала хуже – поспешность может испортить дело. Неудачно подстреленное животное, если его не тревожить, после панического бегства немного успокоится и пойдет тише. Если

же преследовать и пугать – помчится сломя голову и остановится, лишь когда вымотается вконец.

Так что в распоряжении у Мильвы было никак не меньше получаса. Она прикусила сорванный стебелек и снова задумалась. Вспоминала.

Когда через двенадцать дней она вернулась в Брокилон, ведьмак уже ходил. Слегка прихрамывал и немного тянул бедро, но ходил. Мильва не удивилась – она знала о чудесных целительных свойствах лесной воды и травы, именуемой конинхаэлью. Знала также способности Аглайисы, неоднократно была свидетельницей прямо-таки мгновенного исцеления раненых дриад. А слухи о невероятной выносливости и стойкости ведьмаков тоже, видать, не были высосаны из пальца.

Она не пошла в Коль Серрай сразу по прибытии, хоть дриады напоминали, что Gwynbleidd нетерпеливо ждал ее возвращения. Тянула умышленно, все еще недовольная поручением, намеренно показывала, что сначала должна провести в лагерь эльфов из очередной команды «белок». Пространно рассказала обо всем случившемся в пути, сообщила дриадам, что люди блокируют границу вдоль Ленточки. Лишь когда ей напомнили в третий раз, она искупалась, переоделась и отправилась к ведьмаку.

Он ждал на опушке, там, где росли кедры. Прохаживался, время от времени приседал, пружинисто выпрямлялся. Ви-

димо, Аглайиса назначила ему упражнения.

– Какие вести? – спросил он сразу же, как только они поздоровались. Холод в его голосе ее не обманул.

– Война, пожалуй, идет к концу, – ответила она, пожав плечами. – Нильфы, говорят, вконец разгромили Лирию и Аэдирн. Вердэн не поддался, и король Темерии заключил союз с нильфгаардским императором. Эльфы в Долине Цветов собственное государство заложили. А вот скоя'таэли из Темерии и Редании туда не ушли. Продолжают биться...

– Я не об этом.

– Нет? – Она изобразила удивление. – Ах, верно. Да, заглянула я в Дорьян, как ты просил, хоть и пришлось хороший крюк сделать. А тракты нынче опасны.

Она оборвала, потянулась. На этот раз он ее не торопил.

– Слушай, а этот Кодрингер, – наконец спросила она, – которого ты велел навестить, был твоим другом?

Лицо ведьмака не дрогнуло, но Мильва знала, что он понял с полуслова.

– Нет. Не был.

– Это хорошо, – облегченно вздохнула она. – Потому как его уже среди живых нет. Сгорел вместе со своим домом, осталась вроде бы труба и половина передней стены. Весь Дорьян гудом гудит от слухов. Одни болтают, что Кодрингер занимался чернокнижничеством и яды варил, что у него с дьяволом уговор был, так что чертов огонь его поглотил. Другие говорят, мол, сунул он, как обычно, нос и пальцы не

в ту дырку. А кому-то это не понравилось, вот его и уколошили и огонь подкинули, чтоб следы замести. А ты как думаешь?

Ни ответа, ни эмоций на посеревшем лице ведьмака она так и не дождалась. Поэтому продолжала, сохраняя язвительный и грубоватый тон:

– Интересно, что пожар и гибель Кодрингера случились в первое июльское новолуние, точно как мятеж на Танедде. Ну, прямо так, будто б кто догадался, что как раз Кодрингер знает чего-то о бунте и его станут выпытывать о подробностях. Будто кто-то хотел ему заранее рот зашнуровать навеки, язык удержать. Что на это скажешь? Э, вижу, ничего! Ишь неразговорчивый какой! Тогда я тебе скажу: опасное твое дело, все это твои вынюхивания да расспрашивания. Может, кто-нито еще и другие рты и уши, кроме кодрингеровых, захочет прикрыть. Так я думаю.

– Прости, – сказал он, немного помолчав. – Ты права. Я подверг тебя риску. Это было слишком опасное задание для...

– Для девки, верно? – Она дернула головой, резким движением отбросила с плеча все еще влажные волосы. – Это, что ль, ты хотел сказать? Тоже мне фрайер сыскался! Заруби себе на носу, что хоть я и сидя отливаю, все равно мой кафтан не зайцем, а волком оторочен! Не шей мне труса, ты меня не знаешь!

– Знаю, – сказал он тихо и спокойно, не прореагировав на

ее злость и повышенный тон. – Ты – Мильва. Водишь сквозь облавы в Брокилон «белок». Мне известно твое мужество. Но я легкомысленно и себялюбиво подверг тебя риску...

– Дурень! – грубо оборвала она. – О себе беспокойся, не обо мне. О девчонке беспокойся!

Она насмешливо улыбнулась, потому что на этот раз лицо у него изменилось. Она намеренно помолчала, ожидая дальнейших вопросов.

– Что тебе известно? – наконец спросил он. – И от кого?

– У тебя – Кодрингер, – фыркнула она, заносчиво подняв голову. – У меня свои знакомцы. Такие, у которых быстрые глаза и чуткие уши.

– Говори, Мильва. Пожалуйста.

– После заварушки на Танедде, – начала она, переждав секунду, – закипело повсюду. Ловля предателей началась. Особливо тех чародеев, которые за Нильфгаардом пошли, как и других продажных... Некоторых поймали. Другие канули, будто камень в воду. Не надо большого ума, чтобы угадать, куда они подались, под чьими перьями спрятались. Но охотились не токо на чародеев и предателей. В мятеже на Танедде взбунтовавшимся чародеям помогала команда «белок», ими известный Фаоильтиарна верховодил. Ищут его. Отдан приказ каждого схваченного эльфа пытаться, о команде Фаоильтиарны выпрашивать.

– Кто он, Фаоильтиарна этот?

– Эльф, скоя'таэль. Мало кто людям в печенку залез, как

он. Большая цена за его голову назначена. Но ищут не только его. Ищут еще какого-то нильфгаардского рыцаря, что на Танедде был. И еще...

– Ну, говори.

– Ан'гивары о ведьмаке по имени Геральт из Ривии спрашивают. И о девушке по имени Цирилла. Этих двух велено живьем брать. Под страхом смерти у их обоих волос с головы упасть не должен, пуговицу с платья сорвать не имеют права. Хо! Здорово же ты, видать, мил их сердцу, коли так о твоём здоровье пекутся...

Она осеклась, увидев его лицо, с которого мгновенно сползло нечеловеческое спокойствие. Поняла, что хоть и старалась, но не сумела нагнать на него страха. Во всяком случае, за его собственную шкуру. Неожиданно ей стало стыдно.

– Ну, с этим преследованием-то они впустую шебуршатся, – сказала она уже мягче, но все еще с чуть насмешливой ухмылкой. – Ты в Брокилоне в безопасности. Да и деваху они тоже живой не получают. Когда они развалины на Танедде да на магической башне, которая обвалилась, перелопачивали... Эй, что с тобой?

Ведмак покачнулся, оперся о кедр, тяжело опустился рядом с деревом. Мильва отскочила, напуганная бледностью, которая вдруг покрыла его лицо.

– Аглайиса! Сирисса! Фаувэ! Ко мне, живо! У, хрен чертов, помирать он, что ль, собрался! Эй ты, ведьм!

– Не зови их... Со мной все в порядке... Говори... Я хочу

знать.

Мильва вдруг поняла.

– Ничего они в развалинах не нашли! – крикнула она, чувствуя, как тоже бледнеет. – Ничего! Хотя каждый камень осмотрели и волшебствовали – ничего не нашли...

Она смахнула испарину со лба, жестом остановила сбегавшихся на крик дриад. Схватила ведьмака за плечи, наклонилась над ним так, что ее длинные светлые волосы упали ему на побледневшее лицо.

– Ты неверно понял, – быстро, нескладно повторяла она, с трудом отыскивая нужные слова в толчее тех, что так и рвались на язык. – Я токо хотела сказать, что... Ты неверно меня понял. Ведь я... ну откуда мне было знать, что ты аж так... Я не так хотела. Я токо о том, что девушка... Что ее не найдут, потому как она бесследно исчезла, все одно как те чародеи... Прости.

Он не ответил. Глядел в сторону. Мильва закусила губу, сжала кулаки.

– Через три дня я уезжаю из Брокилона, – сказала она тихо после долгого, очень долгого молчания. – Как токо месяц пойдет на ущерб и ночки малость темнее станут. Через десять дней вернусь, может, раньше. Сразу после Ламмаса, в первых днях августа. Не волнуйся. Землю перерою, но дознаюсь для тебя обо всем. Ежели кто хоть что-нибудь знает о той девочке, ты тоже будешь знать.

– Спасибо, Мильва.

– Через десять дней... Gwynbleidd.

– Меня зовут Геральт, – протянул он руку.

Она пожала, не задумываясь. Крепко.

– Меня зовут Мария Барринг.

Кивком и тенью улыбки он поблагодарил за откровенность: она знала, что он это оценил.

– Будь осторожна, прошу тебя. Задавая вопросы, смотри, кому задаешь.

– За меня не беспокойся.

– Твои информаторы... Ты им доверяешь?

– Я не доверяю никому.

– Ведьмак в Брокилоне. У дриад.

– Так я и думал. – Дийкстра скрестил руки на груди. – Но хорошо, что подтвердилось.

Он немного помолчал. Леннеп облизнул губы. Он ждал.

– Хорошо, что подтвердилось, – повторил шеф тайных служб королевства Редании, задумавшись так, словно говорил сам с собой. – Всегда лучше, когда уверен. Эх, если б еще оказалось, что Йеннифэр... Чародейка не с ним, Леннеп?

– Простите. – Разведчик вздрогнул. – Нет, светлейший господин. Нет. Что прикажете? Если хотите получить живьем, я выманю его из Брокилона. А ежели вам милее мертвяк...

– Леннеп, – Дийкстра поднял на агента холодные бледно-голубые глаза, – не надо усердствовать. В нашем деле из-

лишнее усердие не оправдывается. Зато всегда подозрительно.

– Господин, – слегка побледнел Леннеп, – я только...

– Знаю. Ты только спросил, что я прикажу. Приказываю: оставь ведьмака в покое.

– Слушаюсь. А как с Мильвой?

– И ее тоже. Пока что.

– Слушаюсь. Можно идти?

– Иди.

Агент вышел, осторожно и тихонечко притворив за собой дубовую дверь кабинета. Дийкстра долго молчал, уставившись в наваленные на столе карты, письма, доносы, протоколы допросов и смертные приговоры.

– Ори.

Секретарь поднял голову, откашлялся. Молчал.

– Ведьмак в Брокилоне.

Ори Ройвен снова кашлянул. Невольно глянул под стол, на ноги шефа.

– Точно. Этого я ему не забуду, – буркнул тот. – Две недели не мог из-за него ходить. Опозорился перед Филиппой. Словно пес скулил и вымаливал у нее чертовы чары, иначе хроمال бы до сих пор. Ну что ж, сам виноват, недооценил. Хуже всего, что не могу ему сейчас отплатить, добраться до его ведьмачьей задницы! У самого времени нет, а использовать в личных интересах моих людей не могу. Ведь верно, Ори, не могу?

– Кхе-кхе...

– Нечего покашливать. Сам знаю. Эх, черт побери, как же власть развращает! Как искушает воспользоваться ею! Как легко забыться, когда она у тебя есть! Но стоит забыться раз, конца не видать... А что, Филиппа Эйльхарт все еще сидит в Монтекальво?

– Да.

– Бери перо и чернила. Продиктую письмо к ней. Пиши... А, черт, никак не сосредоточусь. Что там за крики, Ори? Что там творится на площади?

– Жаки закидывают камнями резиденцию нильфгаардского посла. Мы им за это, кхе-кхе, заплатили. Мне кажется.

– Ага. Ну ладно. Прикрой окно. Завтра пусть идут забрасывать камнями филиал банка краснолюда Джианкарди. Он отказался открыть мне счет.

– Джианкарди, кхе-кхе, перечислил значительные суммы в военный фонд.

– Да? Тогда пусть закидывают те банки, которые не перечислили.

– Все перечислили.

– Ну и нуден же ты, Ори. Пиши, говорю. «Милейшая Филь, свет очей моих...» Черт, постоянно забываю. Возьми новый лист. Готов?

– Так точно, кхе-кхе...

– «Дорогая Филиппа. Трисс Меригольд, вероятно, тоскует по ведьмаку, которого телепортировала с Танедда в Броки-

лон, делая из этого факта глубокую тайну даже от меня, что меня жестоко огорчило. Успокой ее. Ведьмак уже чувствует себя хорошо. Начал посылать из Брокилона эмиссарок с заданием искать следы княжны Цириллы, мазельки, которая тебя так интересуется. Наш друг Геральт явно не знает, что Цирилла пребывает в Нильфгаарде, где готовится к браку с императором Эмгыром. Мне хотелось бы, чтобы ведьмак спокойно сидел в Брокилоне, поэтому я постараюсь, дабы это известие дошло до него». Написал?

– Кхе-кхе, «дошло до него».

– С новой строки. «Меня интересуется...» Ори, вытри перо, черт побери! Мы ведь Филиппе пишем, не в королевский совет. Письмо должно выглядеть эстетично! С новой строки. «Меня интересуется, почему ведьмак не ищет контактов с Йеннифэр. Не хочется верить, что такая граничащая с помешательством страсть столь неожиданно угасла, вне зависимости от политических пристрастий его идеала. Прости за невольный каламбур. С другой стороны, если окажется, что именно Йеннифэр доставила Цириллу Эмгыру и если найдутся тому доказательства, я с удовольствием споспешествовал бы тому, чтобы эти доказательства попали ведьмаку в руки. Проблема разрешилась бы сама собой, в этом я уверен, а вероломная черноволосая красотка потеряла бы покой. Ведьмак не любит, когда кто-нибудь прикасается к его девчушке. Артауд Терранова однозначно убедился в этом на Танедде. Хотелось бы верить, Филь, что у тебя нет доказательств предательства

Йеннифэр и ты не знаешь, где она скрывается. Мне было бы ужасно неприятно, если б оказалось, что это очередной от меня секрет. У меня от тебя нет тайн...» Ты почему хихикаешь, Ори?

– Так просто, кхе-кхе.

– Пиши! «У меня нет от тебя тайн, Филь, и я рассчитываю на взаимность. Остаюсь с глубоким уважением», ну и т. д. и т. п. Давай подпишу.

Ори Ройвен посыпал письмо песочком. Дийкстра уселся поудобнее, завертел мельницу пальцами сплетенных на животе рук.

– А Мильва, которую ведьмак посылает на слежку, – проговорил он. – Что можешь о ней сказать?

– Она, кхе-кхе, – кашлянул секретарь, – занимается переброской в Брокилон групп скоя'таэлей, разбитых темерскими войсками. Выводит эльфов из облав и котлов, обеспечивает им отдых и возможность формировать новые боеспособные команды...

– Не ублажай меня общедоступными сведениями, – прервал Дийкстра. – Деятельность Мильвы мне известна. Кстати, я собираюсь ее использовать. Если б не это, давно бы кинул ее на сожрание темерцам. Что ты можешь сказать о ней самой? О Мильве как таковой?

– Родилась она, мне кажется, в какой-то захудалой деревушке в Верхнем Соддене. Вообще-то ее зовут Мария Барринг. Мильва – прозвище, которое ей дали дриады. На Стар-

шей Речи означает...

– Знаю. Каня – Коршун, – прервал Дийкстра. – Дальше.

– В роду с незапамятных времен – охотники. Лесные люди, запанибрата с дебрями. Когда сына старого Барринга затоптал сохатый, старик выучил лесному ремеслу дочку. Когда он умер, мать снова вышла замуж. Кхе-кхе... Мария не ладила с отчимом и сбежала из дома. Тогда, мне кажется, ей было шестнадцать лет. Отправилась на север, жила охотой, но баронские лесничие не давали ей житья, преследовали и травили, словно зверя. Тогда она принялась браконьерствовать в Брокилоне, и там, кхе-кхе, на нее напали дриады.

– И вместо того чтобы прибить, пригрели, – буркнул Дийкстра. – Признали своей... А она отблагодарила. Стакнулась с брокилонской ведьмой, со старой Среброокой Эитнэ. Мария Барринг умерла, да здравствует Мильва!.. Сколько раз она ходила, прежде чем люди из Вердэна и Керака спохватились? Три?

– Кхе-кхе... Четыре, мне кажется... – Ори Ройвену постоянно что-то казалось, хотя память у него была безупречная. – Всего было что-то около сотни человек, тех, что особенно рьяно охотились за духобабыми скальпами. И долго они не могли сообразить, потому что время от времени Мильва кого-нибудь из них выносила из бойни на своем горбу, а уцелевший до небес восхвалял ее мужество. Только после четвертого раза, в Вердэне, мне кажется, кто-то хватил себя по лбу. Как же так получается, кхе-кхе, что провожатая, которая людей против духобаб сзывает, сама всякий раз живьем уходит? И вылезло шило из мешка, поняли людишки, что провожатая-то ведет, да только в западню, прямо под стрелы поджидающих в засаде дриад...

Дийкстра отодвинул на край стола протоколы с допросами. Ему почудилось, что пергамент все еще воняет камерой пыток.

– И тогда, – догадался он, – Мильва исчезла в Брокилоне, словно сон златой. Но до сих пор в Вердэне трудно сыскать охотника ходить на дриад. Старая Эитнэ и юная Коршунка

проделали недурственную работенку. И после этого они еще осмеливаются утверждать, будто провокации – наше, человеческое изобретение. А может...

– Кхе-кхе? – закашлялся Ори Ройвен, удивленный оборванной фразой и затянувшимся молчанием шефа.

– А может, наконец-то начали учиться у нас, – закончил холодно главшпик, глядя на доносы, протоколы допросов и смертные приговоры.

Не увидев нигде следов крови, Мильва забеспокоилась. Вдруг вспомнила, что козел шагнул в тот момент, когда она выстрелила. Шагнул или собирался шагнуть – одно на одно выходило. Пошевелился, и стрела могла попасть в живот спереди. Мильва выругалась. Выстрел в живот, проклятие и позор для охотника! Неудача! Тьфу-тьфу, не повезло!

Она быстро подбежала к склону долинки, внимательно выискивая следы крови среди ежевики, мха и папоротника. Искала стрелу. Снабженная четырехгранным наконечником, наточенным так, что острия граней сбрасывали волоски на предплечье, стрела, выпущенная с пятидесяти шагов, должна была пробить козла навывлет.

Наконец увидела, нашла и облегченно вздохнула. Трижды сплюнула, радуясь удаче. Напрасно опасалась, было даже лучше, чем она предполагала. Стрела не была обляпана клейким и вонючим содержимым желудка. Не было на ней и следов светлой, розовой и пенистой легочной крови. Весь

стержень покрывал темный богатый пурпур. Стрела пронзила сердце. Мильве не надо было подкрадываться, ее не ожидал долгий поход по следам. Козел, несомненно, лежал мертвый в чаще, не больше чем в ста шагах от полянки, в том месте, которое ей укажет кровь. А получивший в сердце козел должен был, сделав пару прыжков, истекать кровью, так что след найдется.

Пройдя десяток шагов, она действительно нашла след и направилась по нему, снова погружаясь в мысли и воспоминания.

Данное ведьмаку обещание она выполнила. Вернулась в Брокилон даже раньше, чем думала, спустя пять дней после Праздника Жатвы, через пять дней после новолуния, начинающего у людей месяц август, а у эльфов Ламмас, седьмой, предпоследний savaed года.

На рассвете переправились через Ленточку она и пятеро эльфов из команды, которую она вела. Вначале было девять конных, но солдаты из Бругге все время преследовали их, а за три стоянки до реки нагнали и отстали только перед самой Ленточкой, когда в утреннем тумане на правом берегу замаячил Брокилон. Солдаты боялись Брокилона. Это спасло Мильву и эльфов. Они переправились. Исхудавшие, израненные. И не все.

У нее было для ведьмака известие, но, думая, что Gwynbleidd все еще находится в Коль Серрае, она собиралась пойти к нему только к обеду, выспавшись как следует. Поэтому сильно удивилась, когда он неожиданно возник из тумана, словно дух лесной. Молча присел рядом, глядя, как она устраивает себе лежанку, расстилает попону на куче веток.

– Ну тебя и принесло, – сказала она укоризненно. – Слу-

шай, ведьмак, я с ног валюсь. День и ночь в седле, задницы не чувствую, а вымокла до пупка, потому как мы на заре словно волки через прибрежные ивняки продирались.

– Прошу тебя! Ты что-нибудь узнала?

– Узнала, – хмыкнула она, расшнуровывая и скидывая промокшие, упирающиеся сапоги. – Без особого труда, об этом кричат повсюду. Что ж ты не сказал, что твоя дева такая важная птица? Я-то думала, падчерица твоя, заморыш какой-нито, сирота, судьбой обиженная. А тут – глядь: цинтрийская княжна! Хо-хо! А может, и ты князь переодетый, а?

– Пожалуйста, говори.

– Не достанется уже твоя Цирилла королям, потому что, говорят, из Танедда прямиком в Нильфгаард сбежала. Не иначе как вместе с теми магиками, что королей предали. А в Нильфгаарде император Эмгыр ее с помпой принял. И знаешь что? Навроде как жениться с ней надумал. А теперь дай мне отдохнуть. Если хочешь, поговорим, когда выплусь.

Ведьмак молчал. Мильва развесила мокрые онучи на разлапистой ветке так, чтобы их достало восходящее солнце, дернула застежку пояса.

– Раздеться хочу, – буркнула она. – Ну, чего стоишь? Приятных-то сообщений, мнится мне, не ожидал? Ничего тебе не угрожает, никто о тебе не спрашивает, неинтересен ты стал шпикам. А твоя девица сбежала, слышь, от королей, императрицей будет...

– Сведения верные?

– Нонче ничего верного нету, – зевнула Мильва, присаживаясь на лежанке. – Разве что солнышко каждый день по небу с востока на закат плывет. А что болтают о нильфгардском императоре и княжне из Цинтры, то должно быть правдой, уж больно много разговоров о них.

– Откуда вдруг такой неожиданный интерес?

– А ты будто не знаешь? Как-никак она Эмгыру в приданое кус земли притащит. Слушай, да она ж и моей госпожой станет, потому как я ж из Верхнего Соддена, а весь Содден, оказывается, ее лен! Тьфу, ежели в ее лесах олененка уложу, а меня прихватят, то по ейному приказу и повесить могут... Ну и поганый же мир! Зараза, глаза у меня слипаются...

– Последний вопрос. Из тех чародеев... Ну, из тех чародеев, которые предали, кого-нибудь поймали?

– Нет. Но одна магичка, говорят, жизни себя лишила. Вскоре после того, как пал Венгерберг, а каэдвенские войска вступили в Аэдирн. Не иначе как с огорчения или со страха перед казнью...

– В группе, которую ты привела, были свободные лошади? Какую-нибудь эльфы мне дадут?

– Ага, в дорогу тебе не терпится, – проворчала Мильва, закутываясь в попону. – Думается, знаю куда...

Она замолчала, пораженная выражением его лица. Неожиданно поняла, что принесенное ею известие вовсе не было удачным. И тут вдруг сообразила, что ничего, ну ничегошеньки не понимает. Вдруг, неожиданно, как-то невзначай

почувствовала потребность сесть с ним рядом, засыпать его вопросами, выслушать, узнать, быть может, что-то посоветовать. Она сильно потерла костяшкой указательного пальца уголок глаза. «Я устала, – подумала она. – Смерть всю ночь наступала мне на пятки. Мне необходимо отдохнуть. В конце концов, какое мне дело до его горестей и печалей? Какое мне вообще до него дело? И до той девчонки? К чертовой матери и его, и ее! Зараза, из-за всего этого совсем сон пропал...»

Ведьмак встал.

– Так дадут мне лошадь? – повторил он.

– Бери любую. Только не лезь эльфам на глаза. Потрепали нас на переправе, окровавили... А вороного не тронь. Мой он, вороной-то... Ну, чего стоишь?

– Спасибо за помощь.

Она не ответила.

– Я твой должник. Как мне расплачиваться?

– Как? Очень просто – уйди ты наконец! – крикнула она, приподнимаясь на локте и резко дернув попону. – Я... Я выспаться должна! Бери коня... И езжай. В Нильфгаард, в пекло, ко всем чертям, мне все едино! Уезжай! Оставь меня в покое!

– За все, что задолжал, расплачусь, – тихо сказал он. – Не забуду. Может, когда-нибудь случится так, что тебе потребуется помощь. Опора. Плечи. Руки. Крикни тогда, крикни в ночь! И я приду.

Козел лежал на краю склона, губчатого от бьющих всюду родников, густо заросшего папоротником, вытянувшийся, с остекленевшим глазом, уставившимся в небо. Мильва видела огромных клещей, впившихся в его светло-льняное брюхо.

– Придется вам поискать себе кровушку в другом месте, стервецы, – буркнула она, засучивая рукава и доставая нож. – Эта уже остыла.

Ловкими и быстрыми движениями она вспорола кожу от грудины до анального отверстия, умело отделила слой жира, испачкав руки до локтей, отрезала пищевод, вывалила наружу внутренности. Взрезала желудок и желчный пузырь, ища безоары. В магические свойства безоаров она не верила, но хватало дурней, которые верили и платили за эти комочки свалявшейся шерсти.

Потом подняла козла и уложила на валявшийся неподалеку ствол распластанным животом к земле, чтобы стекла кровь. Вытерла руки пучком папоротников.

Села рядом с добычей.

– Спятивший, сумасшедший ведьмак. Псих, – сказала она тихо, вглядываясь в нависшие в ста футах над ней кроны брокилонских сосен. – Отправляешься в Нильфгаард за своей девкой. Отправляешься на край света, который полыхает огнем, и даже не подумал о том, чтобы прихватить с собой провизии. Я знаю, тебе есть ради чего жить. А чего есть?

Сосны, конечно, не отвечали и не прерывали монолога.

– Я думаю так, – продолжала Мильва, выбирая ножом кровь из-под ногтей. – Нет у тебя ни одного шанса отыскать твою девицу. Ты не доберешься не то что до Нильфгаарда, а даже и до Яруги. Я думаю, не дойдешь даже до Соддена. Мнится мне, смерть тебе прописана. На твоей морде она выписана, из глаз твоих паскудных глядит. Достанет тебя твоя смерть, чокнутый ведьм, ох быстро достанет. Ну, козлик мой не даст тебе помереть с голоду. А это тоже что-то! Так я думаю.

Видя входящего в зал аудиенций нильфгаардского вельможу, Дийкстра незаметно вздохнул. Шилярд Фиц-Эстерлен, посол императора Эмгыра вар Эмрейса, имел привычку вести разговоры на дипломатическом языке и обожал вплетать во фразы всяческие языковые диковинки, понятные только дипломатам и ученым. Дийкстра обучался в оксенфуртской академии и хоть не получил звания магистра, основы напыщенного университетского сленга знал. Однако пользовался им неохотно, ибо в глубине души терпеть не мог помпы и всяческих форм претенциозного церемониала.

– Приветствую вас, ваше превосходительство.

– Милостивый государь граф, – церемонно поклонился Шилярд Фиц-Эстерлен. – Ах, благоволите простить. Возможно, следовало бы сказать: светлейший князь? Ваше высочество регент? Ваше высокопревосходительство государ-

ственный секретарь? Клянусь честью, ваше высокопревосходительство, почести сыплются на вас таким градом, что, ей-богу, не знаю, как вас и титуловать, чтобы не нарушить протокола.

– Лучше всего будет: «Ваше королевское величество», – скромно ответил Дийкстра. – Вы же знаете, ваше превосходительство, что короля играет свита. И вам, думаю, не чужд тот факт, что стоит мне шепнуть: «Подскакивать!» – как третогорские дворяне немедленно спрашивают: «Как высоко?»

Посол знал, что Дийкстра преувеличивает, но не так уж сильно. Принц Радовид был еще малолеткой, королева Гедвига пришиблена трагической смертью супруга, аристократия напугана, одурела, вся в склоках и разбилась на фракции. Фактически в Редании правил Дийкстра. Дийкстра мог запросто получить любой титул и государственный пост. Ему стоило только захотеть. Но Дийкстра не хотел. Ничего.

– Ваше высокопревосходительство изволили меня вызвать, – сказал, немного помолчав, посол, – минуя министра иностранных дел. Чему я обязан такой честью?

– Министр, – Дийкстра возвел очи горе, – отказался от своих функций по состоянию здоровья.

Посол сокрушенно покачал головой. Он прекрасно знал, что министр иностранных дел сидит в темнице, а будучи трусом и идиотом, несомненно, выдал Дийкстре все о своем не вполне невинном флирте с нильфгаардской разведкой, как только увидел «инструментарий», любезно продемонстриро-

ванный ему перед началом допроса. Он знал, что сеть, организованная агентами Ваттье де Ридо, шефа императорской разведки, была разгромлена и все нити оказались в руках Дийкстры. Знал также, что нити эти вели напрямую к его собственной персоне. Но его персона была под защитой дипломатического иммунитета, а обязанности посла принуждали его вести игру до конца. Тем более после странных зашифрованных инструкций, которые недавно прислали в посольство Ваттье и коронер Стефан Скллен, имперский агент по специальным поручениям.

– Поскольку преемник министра иностранных дел еще не назначен, – продолжал Дийкстра, – на меня возложена малоприятная обязанность проинформировать вас, ваше превосходительство, что вы признаны в королевстве Реданском персоной нон грата.

Посол поклонился.

– Весьма сожалею, – сказал он, – что чреватые взаимным отзывом послов последствия вызваны проблемами, непосредственно не затрагивающими ни королевства Реданского, ни империи Нильфгаарда. Империя не предпринимала никаких враждебных Редании шагов.

– Если, конечно, не считать блокады устья Яруги и Островов Скллиге для наших кораблей и товаров. А также вооружения и поддержки банд скоя'таэлей.

– Это, ваше превосходительство, злостные инсинуации.

– А концентрация имперских сил в Вердэне и Цинтре?

А рейды вооруженных банд на Содден и Бругге? Содден и Бругге – темерские протектораты, а мы, ваше превосходительство, в союзе с Темерией, так что нападение на Темерию – это нападение на нас. Остаются также проблемы, касающиеся непосредственно Редании: мятеж на острове Танедд и бандитское покушение на короля Визимира. И роль, которую империя сыграла в этих событиях.

– Quod attinet² инцидента на Танедде, – развел руками посол, – я не уполномочен высказывать свое мнение. Его императорскому величеству Эмгыру вар Эмрейсу чужды закулисные игры и сведение личных счетов между вашими чародеями. Я весьма сожалею о том, что наши протесты относительно вашей пропаганды, всячески пытающейся навязать общественному мнению иной взгляд на вещи, дают исчезающе малый эффект. Пропаганды, распространяемой, позволю себе заметить, не без поддержки властей королевства Реданского.

– Ваши протесты поражают и безмерно удивляют меня, – улыбнулся Дийкстра. – Кстати, император отнюдь не скрывает, что при его дворе находится цинтрийская герцогиня, похищенная именно на Танедде.

– Цирилла, королева Цинтры, – с нажимом поправил Шиллярд Фиц-Эстерлен, – была не похищена, но искала в империи убежища. Здесь нет ничего общего с инцидентом на Танедде.

² Что касается (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

– Серьезно?

– Инцидент на Танедде, – продолжал с каменной физиономией посол, – вызвал неудовольствие императора. А коварное покушение какого-то сумасшедшего на жизнь короля Визимира – его искреннее возмущение. Еще большее возмущение и отвращение вызывает распространяемая в обществе мерзкая сплетня о якобы скрывающихся в империи истинных подстрекателях названных преступлений.

– Изоляция истинных подстрекателей, – медленно проговорил Дийкстра, – положит конец сплетням. Будем надеяться. А их изоляция и восстановление справедливости – вопрос времени.

– *Justitia fundamentum regnorum*, – серьезно согласился Шилярд Фиц-Эстерлен. – *A crimen horribilis non potest non esse punibile*³. Ручаюсь, что его императорское величество также желает, чтобы стало так.

– Император в силах выполнить это желание, – как бы нехотя проговорил Дийкстра, скрещая руки на груди. – Одна из вдохновительниц заговора, Энид ан Глеанна, до недавнего времени – чародейка, известная под именем Франческа Финдабаир, с императорского благословения разыгрывает из себя королеву марионеточного государства эльфов в Доле Блатанна.

– Его императорское величество, – холодно поклонился

³ Правосудие – основа государства... А ужасные преступления не должны оставаться безнаказанными (*лат.*).

посол, – не может вмешиваться в дела Доль Блатанна, независимого государства, признанного всеми сопредельными.

– Но не Реданией. Для Редании Доль Блатанна – по-прежнему часть королевства Аэдирн. Хотя совместно с эльфами и Каэдвенем вы растащили Аэдирн по кускам, хоть от Лирии не осталось *lapis super lapidem*⁴, вы слишком поспешно вымарали эти королевства с карты мира. Слишком быстро и поспешно, ваше превосходительство. Однако сейчас не время и не место дискутировать на сей счет. Пусть себе Франческа Финдабаир пока что правит, истина и справедливость восторжествуют. А как с другими бунтовщиками и организаторами покушения на короля Визимира? Что с Вильгефорцем из Роггевеена, что с Йеннифэр из Венгерберга? Есть основания полагать, что после провала путча они сбежали в Нильфгаард.

– Уверяю вас, – поднял голову посол, – это не так. И если б такое случилось, ручаюсь, кара их не минует.

– Они виновны не перед вами, следовательно, не вам их карать. Искренность желания осуществить возмездие, являющееся, как ни говорите, *fundamentum regnorum*⁵, император Эмгыр докажет, выдав нам преступников.

– Нельзя отказать в справедливости вашему требованию, – признал Шилярд Фиц-Эстерлен, изобразив на лице смущенную улыбку. – Однако этих персон нет в империи,

⁴ Камня на камне (*лат.*).

⁵ Основой государства (*лат.*).

это primo⁶. Secundo⁷, если б они даже туда попали, то существует impedi-ment⁸. Экстрадицию совершают по приговору суда, в данном случае вынесенному имперским Советом. Надеюсь, вы, ваше превосходительство, не станете возражать, что разрыв Реданией дипломатических отношений – акт недружелюбный, и трудно рассчитывать на то, что Совет выскажется в пользу экстрадиции персон, ищущих убежища, если таковой экстрадиции домогается недружественное государство. Это был бы случай беспрецедентный. Разве что...

– Что?

– Разве что создать такой прецедент?

– Не понимаю.

– Если б королевство Реданское согласилось выдать императору его подданного, арестованного у вас обыкновенно-го бандита, император и его Совет имели бы основания ответить взаимностью на такой жест доброй воли.

Дийкстра долго молчал, казалось, он дремлет или размышляет.

– О ком идет речь?

– Имя преступника... – Посол прикинулся, будто пытается вспомнить, потом открыл сафьяновую папочку с документами. – Простите, memoria fragilis est⁹... Ага, вот. Некий

⁶ Первое (лат.).

⁷ Второе (лат.).

⁸ Препятствие (лат.).

⁹ Память подводит (лат.).

Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах. За ним числятся немалые преступления. Он разыскивается за убийство, дезертирство, *raptus puellae*¹⁰, изнасилование, воровство и подделку документов. Скрываясь от гнева императора, он сбежал за границу.

– В Реданию? Далекий же он выбрал путь.

– Ваше превосходительство, – слегка улыбнулся Шилярд Фиц-Эстерлен, – вы, насколько мне известно, не ограничиваете своих интересов только лишь Реданией. Мы ничуть не сомневаемся, что, если б преступник был схвачен в одном из союзных Редании королевств, вы, ваше превосходительство, знали б об этом из донесений своих многочисленных знакомых.

– Как, говорите, зовут преступника-то?

– Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах.

Дийкстра долго молчал, притворяясь, будто копается в памяти, наконец сказал:

– Нет, знаете ли, никого с подобным именем не арестовывали.

– Серьезно?

– Моя *memoria* в таких вопросах *fragilis* не бывает. Сожалею, ваше превосходительство.

– Взаимно, – холодно ответил Шилярд Фиц-Эстерлен. – Особенно сожалею, поскольку взаимная экстрадиция преступников при таких условиях представлялась бы осущест-

¹⁰ Похищение девочек (*лат.*).

ствимой. Не смею дольше задерживать ваше внимание. Желаю здоровья и успехов.

– Взаимно. Прощайте, ваше превосходительство.

Посол вышел, проделав несколько весьма сложных церемониальных поклонов.

– Поцелуй меня в *sempiternum meam*, хитрец, – проворчал Дийкстра, скрещивая руки на груди. – Ори! Вылезай!

Красный от долго сдерживаемого кашля секретарь вышел из-за портьеры.

– Филиппа все еще торчит в Монтекальво?

– Да, кхе-кхе. И с нею госпожи Ло-Антиль, Меригольд и Мец.

– Через день-два может начаться война, через минуту вспыхнет граница на Яруге, а эти бабы заперлись в какой-то зачуханной развалюхе. Бери перо, пиши. «Возлюбленная Филь...» А, холера!

– Я написал: «Дорогая Филиппа».

– Прекрасно. Пиши дальше. «Возможно, тебе будет интересно узнать, что чудака в шлеме с перьями, который скрылся с Танедда столь же таинственно, сколь и появился, зовут Кагыр Маур Дыффин, он сын сенешаля Кеаллаха. Этого странного типа ищем не только мы, но, как выяснилось, и служба Ваттье де Ридо, и люди того курвина сына...»

– Госпожа Филиппа, кхе-кхе, не любит таких выражений. Я написал «каналы».

– Пусть будет каналья... «этой канальи Стефана Скелле-

на. Ты знаешь не хуже меня, дорогая Филь, что разведслужбы империи активно разыскивают только тех агентов и эмиссаров, которые вызвали особое недовольство Эмгыра. Тех, которые, вместо того чтобы выполнить приказ или сгнать, предали и приказа не выполнили. Поэтому проблема выглядит достаточно странно, как-никак мы были уверены, что приказы, данные Кагыру, касались поимки княжны Цириллы и доставки ее в Нильфгаард». С новой строки. «Странные, но обоснованные подозрения, возникшие у меня в связи с этим делом, а также довольно удивительные, но не лишённые смысла теории, которые у меня есть, я хотел бы обсудить с тобой один на один.

С выражением глубокого уважения *et cetera, et cetera*¹¹...»

Мильва поехала на юг, прямо, не сворачивая, сначала по берегу Ленточки, через Выжиги, потом, переправившись через реку, по подможшим ярам, покрытым мягчайшим ярко-зеленым ковром кукушкина льна. Она исходила из того, что ведьмак, не зная местности так хорошо, как она, не станет рисковать и не переправится на берег, занятый людьми. Срезав огромный, выпучившийся в сторону Брокилона изгиб реки, она вполне могла бы нагнать его в районе порогов Кеанн Трайс. Двигаясь быстро и не останавливаясь, могла даже перегнать.

Зяблики не ошибались, когда звенели. Небо на юге явно

¹¹ И т. д., и т. д. (*лат.*).

хмурилось. Воздух стал плотным и тяжелым, комары и мошкара сделались чертовски нахальными и настойчивыми.

Когда она спустилась в пойму, заросшую еще увешанным зелеными орехами орешником и голой чернявой крушиной, почувствовала: она здесь не одна. Не услышала. Почувствовала. Знала – это эльфы.

Придержала коня, чтобы укрывшиеся в чаще лучники могли как следует ее рассмотреть. Затаила дыхание. В надежде, что терпения у них хватит.

Над перекинутым через спину коня козлом бренчала муха.

Шелест. Тихий свист. Она просвистела в ответ. Скоя'та-эли словно духи выглянули из зарослей, а Мильва только теперь вздохнула свободно. Она их знала. Они были из команды Коиннеаха Де Рео.

– Hael, – сказала она, слезая с коня. – Que'ss va?

– Ne'ss, – сухо ответил эльф, имени которого она не помнила. – Caemh.

Неподалеку на поляне расположились остальные. Их было не меньше тридцати, больше, чем во всей команде Коиннеаха. Мильва удивилась. Последнее время отряды «белок» скорее таяли, нежели росли. Встречавшиеся теперь команды были кучками истекающих кровью, взбудораженных, едва державшихся в седлах и на ногах голодранцев. Эта команда была другой.

– Cead, Coinneach, – поздоровалась она с приближающим-

ся командиром.

– Ceadmil, sor'ca.

Sor'ca. Сестренка. Так ее называли те, с которыми она была в дружбе, когда хотели выразить ей уважение и симпатию. Хотя они, как ни говори, были на много-много зим старше нее. Сначала она была для эльфов просто Dh'oine, человеком. Позже, когда она уже регулярно им помогала, стали называть ее Aen Woedbeanna, «Девушка из леса». Еще позже, узнав лучше, стали на манер дриад именовать Мильвой, Коршуном. Ее настоящее имя, которое она выдавала только самым близким, отвечая взаимностью на подобные жесты с их стороны, эльфам не нравилось, они выговаривали его как «Mear'ya» со слабой гримасой, словно оно ассоциировалось в их языке с чем-то неприятным. И сразу переходили на «sor'ca».

– Куда направляетесь? – Мильва взглянула внимательнее, но по-прежнему не видела ни раненых, ни больных. – На Восьмую Версту? В Брокилон?

– Нет.

Слишком хорошо зная эльфов, она воздержалась от дальнейших расспросов. Ей достаточно было нескольких взглядов на неподвижные, застывшие лица, на преувеличенное, демонстративное спокойствие, с каким они приводили в порядок экипировку и оружие. Достаточно было внимательно заглянуть в глубокие, бездонные глаза, чтобы понять: они шли в бой.

Небо на юге темнело, затягивалось туманами.

– А ты куда направляешься, sor'ca? – спросил Коиннеах, потом быстро кинул взгляд на перевешенного через спину коня козла и слабо улыбнулся.

– На юг, – холодно сказала она, давая понять, что он ошибается. – К Дришоту.

Эльф перестал улыбаться.

– По человечесьему берегу?

– По крайней мере до Кеанн Трайса, – пожала она плечами. – У порогов наверняка перейду на брокилонскую сторону, потому что...

Она обернулась, услышав храп коней. Новые скоя'таэли присоединились к команде, и без того уже необычно многочисленной. Новых Мильва знала еще лучше.

– Чиаран! – тихо вскрикнула она, не скрывая изумления. – Торувьель! Вы что тут делаете? Едва успела вывести вас в Брокилон, а вы снова...

– Ess'creasa, sor'ca, – серьезно сказал Чиаран аэп Деарб. Повязка, наложенная ему на голову, пропиталась кровью.

– Так надо, – повторила вслед за ним Торувьель, осторожно, чтобы не повредить висящей на перевязи руки, слезая с коня. – Пришли сообщения. Мы не можем сидеть в Брокилоне, когда на счету каждый лук.

– Если б я знала, – надула губы Мильва, – не стала б трудиться ради вас. Не подставляла бы шею на переправе.

– Известия поступили только вчера ночью, – тихо поясни-

ла Торувьель. — Мы не могли... Мы не можем в такой момент оставить наших братьев по оружию. Не можем, пойми это.

Небо темнело все больше. На этот раз Мильва явно услышала далекий гром.

— Не езди на юг, sor'ca, — сказал Коиннеах Де Рео. — Идет буря.

— Что мне буря... — Она осеклась, внимательно глянула на него. — Ха! Так вот какие вести до вас дошли? Нильфгаардцы, да? Переправляются через Яругу в Соддене? Быют на Бругге? Вот почему вы двинулись?

Он не ответил.

— Как в Доль Ангре, — заглянула она ему в темные глаза. — Снова нильфгаардский император использует вас, чтобы вы огнем и мечом творили замешательство на тылах людей. А потом император с королями мир заключит, а вас выгонят взащей. Сами же и сгорите в огне, который распалите.

— Огонь очищает. И закаляет. Сквозь него надо пройти. Aenyell'hael, all'ea, sor'ca? По-вашему «крещение огнем».

— Мне мильше другой огонь. — Мильва толкнула козла и сбросила его на землю, под ноги эльфам. — Такой, что под котлом потрескивает. Берите, чтобы в походе с голоду не ослабнуть. Мне он уже ни к чему.

— Не поедешь на юг?

— Поеду.

«Поеду, — подумала она, — поеду быстро. Надо предупредить дурного ведьмака, упредить, в какую заварушку он

прет. Надо его повернуть обратно».

– Не езд, sor'ca.

– Отстань, Коиннеах.

– С юга идет буря, – повторил эльф. – Идет страшная буря. И большой огонь. Схоронись в Брокилоне, сестренка, не езд на юг. Ты сделала для нас очень много, больше уже сделать не сможешь. И не должна... Мы – должны. Ess'tedd, esse creasa. Нам пора. Прощай.

Воздух был тяжелый и плотный.

Телепроеекционное заклинание было очень сложным, проносить его надо было совместно, соединив руки и мысли. И даже тогда усилие оказалось чертовски большим. Да и расстояние было немалое. Стиснутые веки Филиппы Эйльхарт дрожали, Трисс Меригольд тяжело дышала, на высоком лбу Кейры Мец выступила испарина. Только на лице Маргариты Ло-Антиль не заметно было утомления.

В скупой освещенной комнате вдруг сделалось очень светло, темные панели стен покрыла мозаика разблесков. Над круглым столом повис горящий молочным светом шар. Филиппа Эйльхарт закончила заклинание, и шар опустился напротив, на один из двенадцати стоящих вокруг стола стульев. Внутри шара возникла туманная фигура. Изображение дрожало, проекция была не очень стабильной. Но быстро становилась все четче.

– Дьявольщина, – буркнула Кейра, вытирая лоб. – Что они

там, в Нильфгаарде, не знают ни гламации, ни украшающих чар?

– Скорее всего нет, – ответила Трисс уголком губ. – О моде, пожалуй, тоже никогда не слышали.

– И ни о чем вроде макияжа, – тихо сказала Филиппа. – А теперь ша, девушки. И не глазейте на нее. Надо стабилизировать проекцию и поприветствовать нашу гостью. Поддержи меня, Рита.

Маргарита Ло-Антиль повторила формулу заклинания и жест Филиппы. Изображение несколько раз дрогнуло, утратило туманную шаткость, контуры и цвета обострились. Теперь чародейки могли получше рассмотреть фигуру, разместившуюся по противоположную сторону стола. Трисс закусила губу и многозначительно подмигнула Кейре.

У женщины в проекции было белое лицо с нездоровой кожей, неопределенные, невыразительные глаза, тонкие губы и слегка кривоватый нос. На голове – странная конусовидная, немного помятая шляпа. Из-под мягких полей ниспадали темные, казавшиеся не очень чистыми волосы. Впечатление непривлекательности и неряшливости усиливалось черной, свободной и бесформенной одеждой с потрепанной серебряной вышивкой на плече. Рисунок изображал полумесяц, окруженный звездами, и был единственным украшением нильфгаардской чародейки.

Филиппа Эйльхарт встала, стараясь не слишком демонстрировать бижутерию, кружева и декольте.

– Почтенная госпожа Ассирэ, – проговорила она. – Приветствуем тебя в Монтекальво. Чрезвычайно рады, что ты согласилась принять наше приглашение.

– Обыкновенное любопытство, – неожиданно приятным и мелодичным голосом ответила чародейка из Нильфгаарда, автоматически поправляя шляпу. Рука у нее была худая, покрытая желтыми пятнами, ногти обломанные и неровные, явно обгрызенные. – Обыкновенное любопытство, – повторила она, – последствия которого могут, кстати, быть для меня трагическими. Я хотела бы услышать объяснения.

– Незамедлительно приступаю, – кивнула Филиппа, подав знак остальным чародейкам. – Однако вначале позволь вызвать проекции других участников собрания и представить всех друг другу. Прошу немного терпения.

Чародейки вновь соединили руки. Воздух в комнате зазвенел натянутой струной, из-под кесонного потолка на стол опять опустился светящийся туман, заполняя помещение мерцающими тенями. Над тремя из незанятых стульев выросли пульсирующие светом сферы, внутри сфер замаячили очертания фигур. Первой возникла Сабрина Глевиссиг в бирюзовом, вызывающе декольтированном платье с огромным ажурным стоячим воротником, создающим изумительное обрамление для фантазийно уложенных и забранных в бриллиантовую диадему волос. Рядом с ней проявилась из млечного тумана проекция Шеалы де Танкарвилль в черном, обшитом жемчугом бархате и боа из черно-бурой лисы

на шее. Магичка из Нильфгаарда нервно облизнула тонкие губы. «Подожди Францеску, – подумала Трисс. – Увидишь Францеску, черная крыска, так глаза у тебя на лоб полезут».

Францеска Финдабаир не подвела. Ни роскошным платьем цвета бычьей крови, ни гордой прической, ни рубиновым колье, ни глазами серны, подчеркнутыми ярким эльфийм макияжем.

– Приветствую всех дам, – сказала Филиппа, – в замке Монтекальво, куда я позволила себе пригласить вас для обсуждения неких проблем весьма серьезного свойства. Я искренне сожалею, что встречаемся мы в виде телепроекций. Однако встретиться непосредственно пока что не позволяют ни время, ни разделяющие нас пространства, ни ситуация, в которой мы все оказались. Я – Филиппа Эйльхарт, владелица этого замка. В качестве инициатора собрания и хозяйки позволю себе представить всех. Справа от меня сидит Маргарита Ло-Антиль, ректор академии в Аретузе. Слева от меня – Трисс Меригольд и Кейра Мец из Каррераса. Дальше – Сабрина Глевиссиг из Ард Каррайга, Шеала де Танкарвилль, прибывшая из Крейдена в Ковире, Францеска Финдабаир, известная также как Энид ан Глеанна, теперешняя властительница Долины Цветов, Доль Блатанна. И наконец, Ассирэ вар Анагид из Виковаро в Нильфгаардской империи. А теперь...

– А теперь я попрощаюсь! – рывкнула Сабрина Глевиссиг, указывая унизированной перстнями рукой на Францеску. – Ты

слишком далеко зашла, Филиппа! Я не намерена сидеть за одним столом с этой чертовой эльфкой, даже в виде иллюзии! Кровь на стенах и паркетах Гарштанга еще не успела засохнуть! А кровь эту пролила она. Она и Вильгефорц!

– Попрошу соблюдать приличия. – Филиппа обеими руками оперлась о край стола. – И спокойствие. Выслушайте то, что я имею сказать. Ни о чем больше я не прошу. Когда закончу, каждая из вас решит, остаться или уйти. Проекция – добровольная, ее можно прервать в любой момент. Единственное, о чем я прошу тех, кто решит уйти, это соблюсти нашу встречу в тайне.

– Я знала! – Сабрина пошевелилась так резко, что на мгновение выпала из проекции. – Тайная встреча! Тайные договоры! Короче говоря, заговор! И, думаю, ясно, против кого. Ты что, смеешься над нами, Филиппа? Требуешь удержать все в тайне от наших королей, от коллег, которых не сочла нужным пригласить. А там вон сидит Энид Финдабаир, по милости Эмгыра вар Эмрейса распоряжающаяся в Доле Блатанна, владычица эльфов, которых активно и вооруженно поддерживает Нильфгаард. С каких это пор чародеи из Нильфгаарда перестали слепо слушаться своих владык и рабски подчиняться императорской власти? О каких секретах мы тут говорим? Если она здесь, то с согласия и ведома Эмгыра! По его приказу. В качестве его глаз и ушей!

– Я возражаю, – спокойно сказала Ассирэ вар Анагид. – Никто не знает, что я участвую во встрече. Меня просили

соблюсти тайну, я ее соблюла и блюсти буду. Также и в своих личных интересах. Ибо если это станет известно, мне не сносить головы, поскольку на этом зиждется низкопоклонство чародеев в Империи. У них на выбор либо низкопоклонство, раболепие, угодничество, либо эшафот. Я пошла на риск. Я возражаю против того, что якобы прибыла сюда в качестве шпиона. Доказать это я могу лишь одним: собственной смертью. Достаточно нарушить тайну, о которой просит госпожа Эйльхарт. Достаточно, чтобы весть о нашей встрече вышла за пределы этих стен, и я распрощаюсь с жизнью.

– Для меня разглашение тайны тоже могло бы иметь мало-приятные последствия, – очаровательно улыбнулась Франческа. – У тебя отличная возможность отыгаться, Сабрина.

– Я расплачусь другим способом, эльфка. – Черные глаза Сабрины грозно вспыхнули. – Если секрет выйдет на явь, то не по моей вине либо неосторожности. Ни в коем случае не по моей!

– Ты на что-то намекаешь?

– Конечно, – вклинилась Филиппа Эйльхарт. – Конечно, Сабрина намекает. Она тонко напоминает дамам о моем сотрудничестве с Сигизмундом Дийкстрой. Словно сама не связана с разведкой короля Хенсельта!

– Есть разница, – буркнула Сабрина. – Я не была три года любовницей Хенсельта! А тем более его разведки!

– Достаточно! Замолкни!

– Поддерживаю, – неожиданно громко сказала Шеала де

Танкарвилль. – Заткнись, Сабрина. Довольно болтать о Танедде, шпионских и внесупружеских аферах. Я прибыла не для того, чтобы участвовать в склоках или выслушивать взаимные упреки и замечания. Меня также не привлекает роль арбитра, и если меня пригласили ради этого, то заявляю, что это ход впустую. Я, по правде говоря, подозреваю, что участвую в сборище напрасно, что теряю время, которое с трудом урвала от своей исследовательской работы. Однако воздержусь от преждевременных предположений. Предлагаю наконец дать высказаться Филиппе Эйльхарт. Надо в конце концов узнать цели и причины нашего сборища. Роли, в которых нам предстоит выступать. Тогда мы без лишних эмоций решим, продолжать ли спектакль, или опустить занавес. Тайна, о которой нас попросили, разумеется, обязывает нас всех. Что же касается последствий для тех, кто тайну не сохранит, то я, Шеала де Танкарвилль, займусь этим лично.

Ни одна из чародеек не пошевелилась и не произнесла ни слова. Трисс ни на миг не усомнилась в серьезности предупреждения Шеалы. Отшельница из Ковира не привыкла бросать слова на ветер.

– Говори, Филиппа, а многоуважаемое собрание прошу соблюдать тишину, пока Филиппа не даст знать, что закончила.

Филиппа Эйльхарт встала, шурша платьем.

– Уважаемые сестры, – сказала она. – Ситуация серьезна. Магия в опасности. Трагические события на Танедде, к ко-

торым я мысленно возвращаюсь с сожалением и нежеланием, доказали, что результаты сотен лет бесконфликтного сотрудничества мгновенно рассыпаются в прах, стоит заговорить личным интересам и чрезмерным, неумным амбициями. Теперь мы имеем разброд, несогласие, взаимную вражду и недоверие. Происходящее начинает ускользать из-под контроля. Чтобы контроль восстановить, не допустить стихии возобладать, необходимо взять в крепкие руки правила этого терзаемого штормами корабля. Я, госпожа Ло-Антиль, госпожа Меригольд и госпожа Мец уже обсудили проблему и достигли согласия. Восстановить уничтоженные на Танеде Капитул и Совет недостаточно. Да, впрочем, их и не из кого восстанавливать, к тому же нет гарантий, что в них с самого начала не угнездится болезнь, которая уничтожила предыдущие. Необходима совершенно иная, секретная организация, которая будет служить исключительно делу магии. Которая совершит все возможное, чтобы не допустить катаклизма. Ибо погибнет магия – погибнет этот мир. Так же, как много веков назад мир прежний, лишившись магии и несомого ею прогресса, погрузился в хаос и мрак, захлебнулся в крови и варварстве. Всех присутствующих здесь дам мы приглашаем примкнуть к нашей инициативе, принять активное участие в работах предлагаемого тайного сообщества. Мы позволили себе пригласить вас, чтобы услышать ваше мнение по этому вопросу. Я кончила.

– Благодарим, – кивнула Шеала де Танкарвилль. – Если

позволите, я продолжу. Мой первый вопрос, дорогая Филиппа, таков: почему я? Зачем сюда позвали меня? Я неоднократно отказывалась от выдвижения моей кандидатуры в Капитул, я отказалась от кресла в Совете. Во-первых, меня поглощает моя работа. Во-вторых, я считала и считаю, что в Ковире, Повиссе и Хенгфорсе есть другие, более достойные этой чести. Я спрашиваю, почему сюда пригласили меня, а не Кардуина? Не Истредда из Аэдд Гинваэля, Тугдуаля или Зангениса?

– Потому что они – мужчины, – ответила Филиппа. – Организация же, которую я имею в виду, должна состоять исключительно из женщин. Госпожа Ассирэ?

– Я снимаю свой вопрос, – улыбнулась нильфгаардская чародейка. – Он совпадал с вопросом госпожи де Танкарвилль. Ответ меня удовлетворяет.

– Попахивает бабским шовинизмом, – язвительно бросила Сабрина Глевиссиг. – Особливо в твоих устах, Филиппа, после того, как ты изменила свою... ориентацию. Я ничего не имею против мужчин. Больше того, я обожаю мужчин и жизни без них себе не представляю. Но... После недолгого обдумывания... В принципе это разумная концепция. Мужчины психически нестабильны, слишком поддаются эмоциям, на них нельзя положиться в критический момент.

– Это верно, – спокойно согласилась Маргарита Ло-Антиль. – Я постоянно сравниваю результаты адептов из Аретузы с достижениями мальчиков из школы в Бан Арде, и

сравнение неизменно склоняется в пользу девочек. Магия – это терпение, тонкость, интеллект, рассудительность, выдержка, а также покорное, но спокойное приятие поражений и неудач. Мужчин губит амбиция. Они всегда хотят чего-то такого, о чем прекрасно знают, что это невозможно и недостижимо. А возможного и достижимого не замечают.

– Достаточно, достаточно, достаточно! – воскликнула Шела, не скрывая усмешки. – Нет ничего более опасного, нежели научно обоснованный шовинизм, стыдись, Рита. Однако же... Да, я тоже считаю правильным предложенную однополую структуру этого... конвента или, если угодно, ложи. Как нам сказали, речь идет о будущем магии, а магия – дело слишком серьезное, чтобы ее судьбу доверить мужчинам.

– Если позволите, – мелодично проговорила Франческа Финдабаир, – я хотела бы ненадолго прервать дискуссию о вполне естественном и несомненном доминировании нашего пола, а сосредоточиться на вопросах, касающихся предложенной инициативы, цель которой по-прежнему мне не до конца ясна. Выбранный же момент не случаен и вызывает ассоциации. Идет война. Нильфгаард разгромил и припер северные королевства к стенке. Так не скрывается ли под общими словами, которые я здесь слышала, понятное желание обратить ситуацию? Разгромить и прижать к стенке Нильфгаард? А потом взяться за наглых эльфов? Если да, дорогая Филиппа, то мы не найдем общего языка.

– Это что, та причина, ради которой меня сюда пригла-

сили? – спросила Ассирэ вар Анагид. – Я особого внимания политике не уделяю, но знаю, что императорская армия одерживает в войне победы над вашими войсками. Кроме госпожи Францески и госпожи Танкарвилль, подданной нейтрального королевства, все остальные дамы представляют враждебные Нильфгаардской империи государства. Как мне следует понимать слова о солидарности магичек? Как призыв к измене? Сожалею, но в этой роли я себя не вижу.

Закончив, Ассирэ наклонилась, словно тронула что-то, не уместившееся в проекции. Трисс показалось, что она слышит мурлыканье.

– Да с ней еще и кот, – шепнула Кейра Мец. – Ручаюсь, черный...

– Тише, – прошептала Филиппа. – Дорогая Францеска, уважаемая Ассирэ. Наша инициатива должна быть абсолютно аполитичной, это наше основное положение. Руководствоваться мы будем не интересами рас, королевств, королей и императоров, а благом магии и ее будущим.

– Руководствуясь благом магии, – Сабрина Глевиссиг насмешливо ухмыльнулась, – мы, я думаю, не должны забывать о благосостоянии магичек? А ведь нам известно, как относятся к чародеям в Нильфгаарде. Мы тут себе будем спокойно болтать, а когда Нильфгаард победит и мы попадем под власть императора, то все мы будем выглядеть так же, как...

Трисс беспокойно пошевелилась. Филиппа еле слышно вздохнула. Кейра опустила глаза. Шеала сделала вид, будто

поправляет боа. Франческа закусил губу. Лицо Ассирэ вар Анагид не дрогнуло, но покрылось легким румянцем.

– Всех нас будет ждать малоприятная судьба, хотела я сказать, – быстро закончила Сабрина. – Филиппа, Трисс и я, все мы были на Содденском Холме. Эмгир рассчитается с нами за то поражение, за Танедд, за всю нашу деятельность. Но это только одно из сомнений, которые вызывает у меня декларируемая аполитичность предполагаемого конвента. Означает ли участие в нем незамедлительное отречение от действительной и, как ни говори, политизированной службы, которую мы сейчас несем при наших королях? Или же мы должны будем остаться на своих местах и служить двум господам: магии и власти?

– Когда кто-то уверяет меня, что он не интересуется политикой, – усмехнулась Франческа, – я всегда спрашиваю: которая из политик имеется в виду? Конкретно.

– А я знаю, что наверняка не та, которую ведет вопрошающий, – сказала Ассирэ вар Анагид, глядя на Филиппу.

– Я вне политики, – подняла голову Маргарита Ло-Антиль. – И моя школа тоже. Я имею в виду все существующие типы, роды и разновидности политики.

– Милые дамы, – заговорила долго молчавшая Шеала. – Помните, что вы пол доминирующий. Так что не ведите себя как девчонки, которые через весь стол тянут к себе блюдо со сладостями. Предложенные Филиппой принципы абсолютно понятны. По крайней мере мне, а у меня не так уж много

оснований считать вас менее сообразительными. За стенами этой залы можете быть кем угодно, служить кому и чему желаете столь верно, сколь хотите. Но когда конвент соберется, мы должны будем заниматься исключительно магией и ее будущим.

– Именно так я себе все и представляю, – подтвердила Филиппа Эйльхарт. – Знаю, что проблем множество, что есть сомнения и неясности. Обсудим их при следующей встрече, в которой все мы примем участие уже не как проекции или иллюзии, а, так сказать, во плоти. Присутствие будет считаться не формальным актом присоединения к конвенту, а жестом доброй воли. Возникнет ли вообще такой конвент, мы примем решение сообща. Мы все. На равных правах.

– Мы все? – повторила Шеала. – Я вижу здесь пустые стулья, полагаю, их поставили не случайно.

– Конвент должен состоять из двенадцати чародеек. Я хотела бы, чтобы кандидатку на одно из пустующих пока стульев предложила нам и представила на следующем сборе госпожа Ассирэ. В Нильфгаардской империи наверняка сыщется еще хотя бы одна достойная чародейка. Другое место я оставила для тебя, Франческа. Чтобы ты как единственная чистокровная эльфка не чувствовала себя одинокой. Третье...

Энид ан Глеанна подняла голову.

– Прошу выделить два места. У меня две кандидатуры.

– Кто-нибудь из дам возражает? Если нет, я тоже не про-

тив. Сегодня у нас пятое августа, пятый день после новолуния. Встретимся снова на второй день после полнолуния, дорогие единомышленники. Через четырнадцать дней.

– Минутку, – прервала Шеала де Танкарвилль. – Одно место все же остается пустым. Кто будет двенадцатой чародейкой?

– Это как раз и станет первой задачей, которой займется ложа, – таинственно улыбнулась Филиппа. – Через две недели я вам скажу, кто должен сесть на двенадцатый стул. А потом мы совместно подумаем, как это осуществить. Вас удивит моя кандидатура и эта особа. Потому что это не обычная особа, уважаемые коллеги. Это Смерть или Жизнь. Разрушение или Возрождение. Порядок или Хаос. Все зависит от точки зрения.

Вся деревня высыпала на улицу, чтобы поглазеть на проезжающую банду. Тузек вышел вместе со всеми. У него была масса работы, но удержаться он не мог. Последнее время много чего говорили о Крысах. Прошел даже слух, будто всех их схватили и вздернули. Однако слух оказался ложным, доказательство чему демонстративно и не спеша как раз двигалось через всю деревню.

– До чего ж наглые, – изумленно шептал кто-то за спиной у Тузека. – Надо ж, посередь деревни прут...

– Вырядились-то будто б на свадьбу...

– А кони? Какие кони-то! И у нильфгаардцев таких не сы-

щешь!

– Э! Краденые. Крыси у всех конёв забирают. Коня-то теперича всюду продашь запросто. А самых лучших себе оставляют...

– Тот, вона, впереду который, гляньте-ка, энто Гиселер... Атаман ихний.

– А подле него, на каштанке, эльфка. Искра, стало быть. Из-за забора выскочила дворняга, зашлась лаем, увиваясь подле передних ног Искриной кобылы. Эльфка тряхнула буйной гривой темных волос, развернула коня, сильно наклонилась и стегнула собаку нагайкой. Дворняга заскулила и, трижды перевернувшись в воздухе, шлепнулась в пыль, а Искра плюнула на нее. Тузек с трудом сдержал проклятие.

Стоявший рядом кмет продолжал шептать, незаметно указывая на других Крыс, медленно едущих по деревне. Тузек и не хотел бы слышать, да приходилось. Не затыкать же уши. Он знал сплетни и слухи не хуже других, без труда догадывался, что тот вон, со спутанными, доходящими до плеч соломенными волосами, который грызет яблоко, это Кайлей, широкоплечий – Ассе, а тот, что в вышитом полукожушке, – Рееф.

Дефиладу замыкали две девушки, едущие бок о бок, держась за руки. Та, что повыше, на гнедом коне, острижена словно после тифа, кафтанчик распахнут, кружевная блузка просвечивает идеальной белизной, колье, браслет и серьги брызжут слепящими искрами.

– А стриженная – это Мистля... – услышал Тузек. – Обвесилась стекляшками, ровно елка на Йуле...

– Говорят, прибила больше людей, чем вёсен считает...

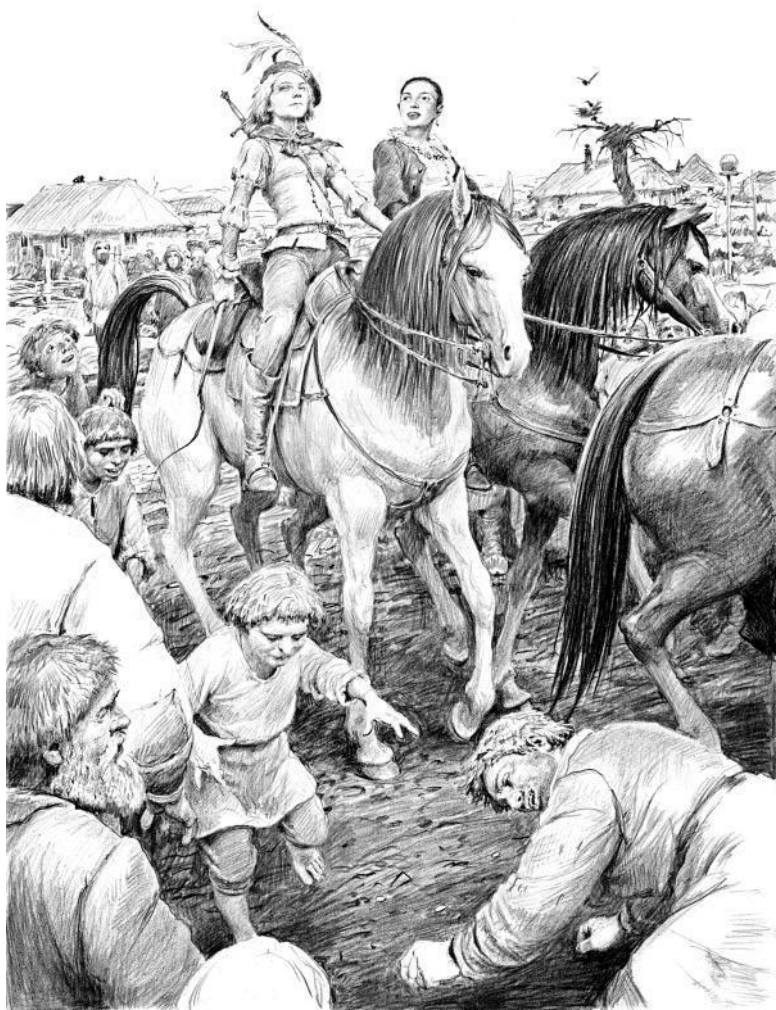
– А другая? На пегой? Ну, та вон, с мечом на спине?

– Фалькой ее кличут. С того лета с Крысями ходит. Тоже, говорят, не золото...

«Не золото» было, по оценке Тузека, немногим старше его дочери Миленки. Пепельные волосы молоденькой бандитки космами выбивались из-под бархатного берета, украшенного надменно покачивающимся пучком фазаньих перьев. На шее у нее пылал шелковый платочек цвета мака, завязанный фантазийным бантом.

Среди выбежавших из домишек кметов неожиданно возникло движение, потому что ехавший первым Гиселер вдруг придержал коня и ленивым движением кинул звонкий мешочек к ногам опирающейся на клюку бабки Микитки.

– Дай тебе Бог счастья, сыночек милостивый, – взывала бабка Микитка. – Чтоб ты здоровенький был, благодетель ты наш, чтоб ты...

Переливчатый смешок Искры заглушил Микиткино бормотание. Эльфка молодецки перебросила правую ногу через луку, полезла в кошель и с размаху сыпанула в толпу горсть монет. Рееф и Ассе последовали ее примеру, самый настоящий серебряный дождь обрушился на песчанистую дорогу. Кайлей, хохоча, бросил в копошащихся над деньгами людей огрызок яблока.

– Благодетели!

– Соколики вы наши!

– Да продлятся дни ваши!!!

Тузек не последовал за другими, не повалился на колени выгребать монеты из песка и куриного помета. Он по-прежнему стоял у ограды, глядя на медленно проезжающих девушек. Младшенькая, та, что с пепельными волосами, заметила его взгляд и выражение лица. Отпустила руку стриженной, хлестнула лошадь, боком наехала на него, приперев к забору и чуть не задев стремянами. Он увидел ее зеленые глаза и задрожал. Столько в них было злобы и холодной ненависти.

– Брось, Фалька! – крикнула стриженная.

Это было ни к чему. Зеленоглазая бандитка удовольствовалась тем, что приперла Тузека к забору, и поехала за Крысами, даже не повернув головы.

– Благодетели!

– Соколики!

Под вечер в деревню влетели вызывающие ужас Черные

конники из форта под Фэн Аспрой. Звенели подковы, ржали кони, бряцало оружие. Солтыс и другие испытываемые кметы ввали, будто нанятые, направляли погоню на ложный след. Тузека никто ни о чем не спрашивал. И хорошо.

Вернувшись с пастбища и зайдя во двор, он услышал голоса. Распознал щебетание двойняшек колесника Згарба, ломкие фальцеты соседских мальчишек. И голос Миленки. «Играют», – подумал он, вышел из-под поленницы и остолбенел.

– Милена!

Миленка, его единственная выжившая дочка, его счастье, перевесила себе через плечо палку на шнурке, изображающую меч. Волосы распустила, к шерстяной шапочке прицепила петушиное перо, на шею намотала материнский платочек. С удивительным, фантазийным бантом.

Глаза у нее были зеленые.

Тузек никогда прежде не бил дочери, никогда не пускал в ход отцовский ремень.

Сегодня он сделал это впервые.

На горизонте сверкнуло. Порыв ветра бороной прошелся по поверхности Ленточки. «Будет буря, – подумала Мильва, – а после бури наступит ненастье. Зяблики не ошибались».

Она пришпорила коня. Чтобы нагнать ведьмака до бури, надо поспешить.

Я был знаком в жизни со многими военными. Знал маршалов, генералов, воевод и гетманов, триумфаторов многочисленных кампаний и битв. Слушал их рассказы и воспоминания. Видывал их склоненными над картами, выписывающими на них разноцветные черточки и стрелки, разрабатывающими планы, обдумывающими стратегию. В этой бумажной войне все получалось прекрасно, все работало, все было ясно и в идеальном порядке. Так должно быть, поясняли военные. Армия – это прежде всего порядок и организованность. Армия не может существовать без порядка и организованности.

Тем поразительнее, что реальная война – а несколько реальных войн мне видеть довелось – с точки зрения порядка и организованности удивительно походит на охваченный пожаром бордель.

Люттик

Полвека поэзии

Глава вторая

Хрустально чистая вода Ленточки переливалась через грань порога мягкой гладкой дугой, потом шумным и вспененным каскадом рушилась между черными, как оникс, камнями, ломалась на них и исчезала в белой кипени, из которой разливалась в обширные плесы, такие прозрачные, что виден был каждый камушек в разноцветной мозаике дна, каждая зеленая косичка колеблющихся в потоке водорослей.

Оба берега покрывал ковер гореца, в котором извивались плющи, гордо выставяющие на горлышках белые жабо. Кусты над горами переливались зеленым, коричневым и охрой и выглядели на фоне елей так, словно их посыпали серебряным порошком.

– Да, – вздохнул Лютик. – Это прекрасно.

Огромная темная форель попыталась прыгнуть через ступень водопада. Какое-то мгновение она висела в воздухе, трепеща плавниками и метя хвостом, потом тяжело упала в пену кипящей круговерти.

Темнеющее на юге небо перечеркнула разлапистая молния, эхо далекого грома прокатилось по стене леса. Гнедая кобыла ведьмака заплясала, мотнула головой, ощерилась, пытаясь выплюнуть удила. Геральт сильно натянул поводья, кобыла, танцуя, попятилась, звеня подковами по камням.

– Тпру! Тпррру! Видал, Лютик? Чертова балерина! Нет, при первой же оказии освобожусь от этой скотины! Провалиться мне, обменяю хоть на осла!

– И как думаешь, скоро выпадет такой случай? – Поэт почесал горящую от комариных укусов шею. – Правда, дикий ландшафт этой долины дает нам ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение, но для разнообразия я охотно заглянул бы в какой-нибудь не столь эстетичный трактир. Скоро неделя, как мы наслаждаемся романтической природой, пейзажами и далекими горизонтами. Что-то я затосковал по закрытым помещениям. Особенно таким, в которых подают горячую пищу и холодное пиво.

– Придется потосковать еще некоторое время, – повернулся в седле ведьмак. – Возможно, твои страдания смягчит сознание того, что я тоже малость тоскую по цивилизации. Ты же знаешь, я торчал в Брокилоне ровно тридцать шесть дней. И ночей, во время которых романтически наслаждающаяся природа подмораживала мне зад, ползала по спине и оседала росой на носу... Тпррру! Зараза! Ты перестанешь наконец прыгать, треклятая кобылятина?

– Слепни ее кусают. Эти гадины сделались злыми и крово-

жадными, как всегда перед бурей. На юге гроыхает и сверкает все чаще.

— Я заметил. — Ведьмак взглянул на небо, сдерживая расплясавшуюся лошадь. — Да и ветер изменился. Морем отдает. Смена погоды, не иначе. Ну, поехали. Подгони своего сонного мерина.

— Моего жеребца зовут Пегас.

— Само собой! Знаешь что? Мою эльфью кобылу тоже надо бы как-то назвать. Хммм...

— Может, Плотвичка? — съехидничал трубадур.

— Плотва? — согласился ведьмак. — А что, звучит.

— Геральт?

— Слушаю.

— У тебя в жизни была хоть одна лошадина, которую не называли бы Плотва?

— Нет, — ответил ведьмак после недолгого раздумья. — Не было. Подгони своего кастрированного жеребца, Лютик. Путь дальний.

— И верно, — буркнул поэт. — Нильфгаард... Как думаешь, сколько верст?

— Много.

— До зимы доберемся?

— Сначала до Вердэна. Там обсудим... некоторые проблемы.

— Какие? Думаешь отделаться от меня? Как бы не так! Я буду тебя сопровождать! Так я решил.

– Посмотрим. Я же сказал, сначала надо добраться до Вердэна.

– А далеко еще? Ты эти места знаешь?

– Знаю. Мы у порогов Кеанн Трайса, перед нами место, которое называется Седьмая Верста. А вон те горки за рекой – Совиные Холмы.

– А мы едем на юг, вниз по течению? Ленточка впадает в Яругу где-то в районе крепости Бодрог...

– Мы поедem на юг, но по тому берегу. Ленточка сворачивает к западу, мы поедem лесами. Я хочу добраться до места, которое называется Дришот, то есть Треугольник. Там сходятся границы Вердэна, Бругге и Брокилона.

– А оттуда?

– К Яруге. И к устью. В Цинтру.

– А потом?

– А потом видно будет. Если это вообще возможно, заставь своего Пегаса идти хоть немного быстрее.

Ливень настиг их на переправе, на самой середине реки. Сначала поднялся сильный ветер, прямо-таки ураганными порывами вороша волосы и плащи, сеча лица листьями и веточками, сорванными с прибрежных деревьев и кустов. Криками и ударами пяток они подгоняли лошадей и, вспенивая воду, двигались к берегу. Когда ветер неожиданно утих, они увидели движущуюся на них стену дождя. Поверхность Ленточки побелела и закипела, словно кто-то с неба кидал в ре-

ку миллиарды свинцовых шариков.

Еще не добравшись до берега, они уже здорово вымокли. Быстро укрылись в лесу. Кроны деревьев образовали над головами плотную зеленую крышу, но это была не та крыша, которая могла бы укрыть от такого ливня. Дождь быстро иссек и наклонил листья, спустя минуту в лесу лило ничуть не хуже, чем на открытом пространстве.

Они завернулись в плащи, подняли капюшоны. Меж деревьев воцарилась тьма, освещаемая только все более частыми сполохами молний. То и дело громыхало, протяжно и оглушительно. Плотва пугалась, фыркала и плясала. Пегас хранил невозмутимое спокойствие.

– Геральт! – вскрикнул Лютик, пытаясь перекрыть очередной развал грома, катящийся по лесу гигантской телегой. – Давай остановимся! Спрячемся где-нибудь!

– Где? – крикнул тот в ответ. – Езжай!

И они ехали.

Спустя какое-то время дождь заметно ослаб, ветер опять зашумел в кронах деревьев, раскаты громов перестали сверлить уши. Они выехали на тропу, бегущую через густой ольховник. Потом на поляну. На поляне вздымался гигантский бук, под его ветвями, на толстом и просторном ковре из коричневых листьев и орешков, стоял запряженный парой мулов воз. На козлах сидел возница и целился в них из арбалета. Геральт выругался. Слова заглушил раскат грома.

– Опусти самострел, Кольда, – сказал невысокий человек

в соломенной шляпе, отворачиваясь от ствола бука, подпрыгивая на одной ноге и застегивая штаны. – Мы не этих ждем. Но все одно – клиенты. Не пугай клиентов, Кольда. Времени у нас маловато, но поторговать завсегда успеем!

– Кой черт? – проворчал Лютик за спиной у Геральта.

– Подъезжайте ближе, господа эльфы! – крикнул человек в шляпе. – Не бойтесь, я свой. N'ess a tearth! Va, Seidhe. Ceadmil! Я свой, понимаешь, эльф? Поторгуем? Ну, подъезжайте сюда, под буковину, тута не так льет на голову!

Геральт ошибке не удивился. Они с Лютиком были закутаны в серые эльфьи плащи. На нем самом была полученная от дриад куртка с любимым эльфами лиственным мотивом, а сидел он на коне с типично эльфьей сбруей и характерно украшенными трензелями. Лицо частично заслонял капюшон. Что до красавчика Лютика, так того уже и раньше не раз принимали за эльфа или полуэльфа, особенно после того, как он отпустил волосы до плеч и взял привычку изящно завивать их на железках.

– Поосторожнее, – буркнул ведьмак, – слезай. Ты – эльф. Не раскрывай пасти без надобности.

– Это почему же?

– Это гавенкары.

Лютик тихонько зашипел. Он понимал, чем тут пахнет.

Всем правили деньги, спрос вызывал предложение. Рыскающие по лесам скоя'таэли собирали годную на продажу, но ненужную им добычу, однако страдали от недостатка ору-

жия и экипировки. Так родилась лесная разъездная торговля. На просеки, тропы и поляны втихую заявлялись телеги торгующих с «белками» спекулянтов. Эльфы называли их hav'saaren, словом непереводаемым, но как-то сочетающимся с хищным корыстолюбием. Меж людей укоренился термин «гавенкары», и слово это – в ушах Геральта по крайней мере – звучало еще паскуднее. Потому что паскудными были и эти люди. Жестокие и беспощадные, не отступающие ни перед чем, даже перед убийством. Схваченный солдатами гавенкар не мог рассчитывать на милосердие. А потому и сам не привык его проявлять. Встретив на пути кого-то, кто мог бы выдать его солдатам, он не раздумывая хватался за самострел либо нож.

Так что влипли они – лучше не придумаешь. К счастью, гавенкары приняли их за эльфов. Геральт плотнее заслонил лицо капюшоном и начал подумывать о том, что будет, когда маскарад раскроется.

– Ну, дает! – потер руки торгаш. – Льет, словно кто в небе дырку пробуравил. Паршивый tedd, ell'ea? Ну ничего, для торговли нет плохой погоды. Есть только скверный товар или скверные денежки, хе-хе! Понял, эльф?

Геральт кивнул. Лютик буркнул что-то нечленораздельное из-под капюшона. На их счастье, презрительная нелюбовь эльфов к общению с людьми была широко известна и никого не удивляла. Однако возница не отложил самострел, а это был недобрый знак.

– Вы от кого? Из какой команды? – Гавенкар, как и всякий серьезный торговец, не дал сбить себя с толку сдержанностью и неразговорчивостью клиентов. – От Коиннеаха Де Рео? От Ангуса Бри-Кри? Или, может, от Риордаина? Риордаин, к примеру, неделю назад под корень вырубил королевских коморных, с обозом идущих, а в обозе-то дань была собранная. Монета, не хламье какое. Я не беру в оплату ни деготь, ни зерно, ни окровавленную одежду, а из добычи только норку, соболя аль горностая. Но милей всего мне монетка, камушки да драгоценности! Ежели есть – можно поторговаться. У меня товарец – первый сорт! *Evelienn vara en ard scedde, ell'ea*, понял, эльф? Все есть. Гляньте.

Торгаш подошел к возу, приподнял край тента. Они увидели мечи, луки, пучки стрел, седла. Гавенкар покопался в товаре, вытащил одну из стрел. Наконечник был зазубренный и надпиленный.

– У других такого не сыщете, – сказал он хвастливо. – Другие купцы с перепугу в штаны накладывают, хвосты подожмут, потому как за такие стрелочки лошадками напополам разрывают, ежели кого с ними прихватят. Но я-то знаю, что «белкам» любо, клиент – наш хозяин, а торговлишки без риска не бывает, только б профитик был! У меня разбрызгивающие наконечники, девять оронов за дюжину. Разнесут так, что кусочков не соберешь! *Naev'de aen tvedeane, ell'ea*, понял, *Seidhe*? Клянусь, не обдираю, сам зарабатываю малость самую, головками деток своих клянусь. Ежели три дюжины

сразу возьмете, шесть процентов скину с цены. Случайность, клянусь, чистейшая случайность... Эй, Seidhe, а ну, прочь от фургона!

Лютик испуганно отдернул руку от тента, глубже натянул капюшон.

Геральт неведомо который раз проклял про себя неумную любознательность барда.

– Mir'me vara, – забормотал Лютик, просительно поднимая руки. – Squaess'me.

– Ладно, ничего, – осклабился гавенкар. – Но туда нельзя заглядывать, потому как там на возу другой товар тожить есть. Но не на продажу, не для Seidhe. Заказной, хе-хе. Ну, мы тут болтаем... Кажите денежки.

«Начинается», – подумал Геральт, глядя на натянутый самострел возницы. У него были основания полагать, что наконечник стрелы вполне мог быть гавенкарской «случайно приобретенной», разбрызгивающей штучкой, которая, попав в живот, выходила из спины в трех, а порой и четырех местах, превращая внутренности подстреленного в весьма неприятный гуляш.

– N'ess tedd, – сказал он, подражая певучему акценту. – Tearde. Mireann vara, va'en vort. Вернемся с командой, тогда торговля. Ell'ea? Понял, Dh'oine?

– Понял, – сплюнул гавенкар. – Понял, что вы нагишом. Товар-то взять хотите, а наличных – тю-тю. Пшли прочь! И не возвращайтесь, потому как у меня тут с важными осо-

бами встреча назначена. Вам лучше тем особам на глаза не попадаться. Двигайте...

Он осекся, услышав храп коня.

– А, чтоб тебя! Поздно! Они уже здесь. А ну, лбы под капюшоны, эльфы! Не шевелиться и чтоб мне ни гу-гу! Кольда, дуб стоеросовый, отложи арбалетину, да живей!

Шум дождя, громохание грома и ковер листьев заглушали стук копыт, благодаря чему наездникам удалось подъехать незаметно и окружить бук мгновенно. Это не были скорьятаэли. «Белки» не носили лат, а восемь окруживших дерево конников посверкивали металлом шлемов, наплечников и кольчуг, залитых дождем.

Один из них медленно приблизился, вырос над гавенкаром, словно гора. Сам он был нормального роста, но сидел на могучем боевом жеребце. Защищенные латами плечи прикрывала волчья шкура, лицо заслонял шлем с широким выступающим наносником, доходящим до нижней губы. В руке чужак держал грозно выглядевший чекан.

– Ридо! – крикнул он хрипло.

– Фаоильтиарна! – отозвался торговец ломким голосом.

Наездник подъехал еще ближе, наклонился в седле. Вода струей стекала со стального наносника прямо на карваш и зловеще блестящий клюв чекана.

– Фаоильтиарна! – повторил гавенкар, кланяясь в пояс. Он снял шляпу, дождь мгновенно плотно прилепил к черепу его реденькие волосики. – Фаоильтиарна! Я свой, пароль и

отзыв знаю... От Фаоильтиарны еду, ваше превосходительство... Жду вот тут, как было договорено...

– А это кто такие?

– Эскорт мой. – Гавенкар наклонился еще ниже. – Ну энти, эльфы...

– Пленник?

– На возу. В гробе.

– В гробу?! – Гром частично заглушил яростный рев наездника с чеканом. – Это тебе даром не пройдет! Господин Ридо ясно приказал: пленник должен быть доставлен живым!

– Так живой же он, живой, – спешно пробормотал торгош. – Как приказано! В гроб мы его запихали, но живой он... Не я придумал с гробом-то, ваше превосходительство... Это Фаоильтиарна...

Конник хлопнул чеканом по стремени, дал знак. Трое конных спрыгнули с седел и стащили тент с фургона. Когда они выкинули на землю седла, попоны и связки упряжи, Геральт при свете молнии действительно увидел гроб из свежеструганой сосны. Однако не приглядывался особо внимательно, чувствуя покалывание в кончиках пальцев. Он уже знал, что увидит через минуту.

– Как же так, ваша милость? – проговорил гавенкар, глядя на раскиданные по мокрой траве товары. – Добро мое с возу вон?

– Беру все. Вместе с упряжкой.

– Аааа. – На заросшую щетиной физиономию торгаша выползла слащавая улыбочка. – Энто другая разница. Энто будет... Дайте подумать. Пять сотен, с позволения вашей милости, ежели в темерской валюте. Если же вашими флоренами, то сорок пять.

– Гляди не продешеви! – фыркнул конный, отвратительно ухмыляясь из-за наносника. – А ну, подойди ближе.

– Осторожнее, Лютик, – прошипел ведьмак, незаметно расстегивая застёжку плаща.

Громыхнуло.

Гавенкар подошел к наезднику, наивно рассчитывая на самую большую торговую сделку в своей жизни. И это действительно была сделка его жизни, может, не самая лучшая, но уж наверняка последняя. Наездник приподнялся на стременах и с размаху всадил ему чекан в полысевшее темечко. Торговец упал, не издав ни звука, задержался, замахал руками, вспахал каблуками мокрый ковер листьев. Кто-то из копавшихся в телеге закинул ремень на шею вознице, затянул, второй подскочил, ткнул кинжалом.

Один из конников рывком поднял арбалет, целясь в Лютика. Однако у Геральта в руке уже был меч, выброшенный из телеги гавенкара. Перехватив оружие посередине лезвия, он метнул его, как копьё. Прошитый насквозь арбалетчик свалился с коня все еще с выражением безбрежного изумления на лице.

– Беги, Лютик!

Лютик подскочил к Пегасу и диким прыжком взлетел к седлу. Однако прыжок оказался излишне диким, а поэт недостаточно ловким. Он не сумел удержаться за луку и шмякнулся на землю по другую сторону лошади. Это спасло ему жизнь, клинок меча напавшего на него наездника рассек воздух над ушами Пегаса. Мерин испугался, рванул, столкнулся с конем противника.

– Это не эльфы! – рявкнул наездник в шлеме с наносником, тоже выхватывая меч. – Живыми брать! Живыми!

Один из тех, кто, выполняя приказ, соскочил с телеги, замешкался. Однако Геральт уже успел выхватить собственный меч и не терял ни секунды. Запал двух оставшихся несколько остудил хлынувший на них фонтан крови. Геральт воспользовался этим и прикончил второго. Но конники уже подскочили к нему. Он вывернулся из-под их мечей, парировал удар, сделал вольт и в этот момент почувствовал сильную боль в правом колене, почувствовал, что падает. Он не был ранен. Просто вылеченная в Брокилоне нога без всякого

предупреждения перестала слушаться.

Замахнувшийся на него секирой пеший вдруг крикнул и завертелся, словно кто-то его сильно толкнул. Прежде чем упасть, ведьмак увидел стрелу с длинными перьями, впившуюся в бок нападающего до половины стержня. Лютик крикнул. Гром заглушил его крик.

Вцепившийся в колесо телеги Геральт увидел при свете молнии светловолосую девушку с натянутым луком, выбегающую из ольховника. Конники тоже заметили ее. И не могли не заметить, потому что в этот момент один из них перевалялся через конский круп, получив в кадык стрелу, превратившую его горло в кровавое месиво. Трое остальных, в том числе командир в шлеме с наносником, сразу же оценили опасность, с криком помчались к лучнице, прячась за шеями лошадей. Они думали, что конские шеи будут достаточной защитой от стрел. Они ошибались.

Мария Барринг по прозвищу Мильва натянула лук. Она целилась спокойно, прижав тетиву к щеке. Первый из атакующих вскрикнул и сполз с коня, ступня застряла в стремях, и подкованные копыта раздавили его. Второго стрела прямо-таки смела с седла. Третий, командир, был уже близко, поднялся в стремях, занес меч для удара. Мильва даже не дрогнула. Бесстрашно глядя на нападающего, натянула лук и с пяти шагов всадила ему стрелу прямо в лицо, рядом со стальным наносником. Стрела прошла навылет, сбросив шлем. Конь не остановился. Наездник, лишившийся шлема

и значительной части головы, еще несколько мгновений сидел в седле, потом медленно наклонился и свалился в лужу. Конь заржал и помчался дальше.

Геральт с трудом встал, помассировал ногу, которая хоть и болела, но — о диво — казалась вполне дееспособной. Он мог спокойно встать на нее, мог ходить. Рядом, сваливая с себя придавивший его труп с развороченным горлом, поднимался с земли Лютик. Лицо поэта цветом могло соперничать с негашеной известью.

Мильва приблизилась, попутно выдергивая стрелу из тела убитого.

— Благодарю тебя, — сказал ведьмак. — Лютик, поблагодари. Это Мильва Барринг. Мы обязаны ей жизнью.

Мильва вырвала стрелу из другого трупа, осмотрела окровавленный наконечник. Лютик что-то невнятно промямлил, склонился в учтивом, но несколько дрожащем поклоне, затем упал на колени, и его вырвало.

— Кто такой? — Лучница вытерла наконечник о мокрые листья, сунула стрелу в колчан. — Друг твой, что ли, ведьмак?

— Да. Его зовут Лютик. Он поэт.

— Поэт. — Мильва поглядела на сотрясаемого сухими уже позывами трубадура, потом подняла глаза. — Ежели так, то понимаю. А вот чего не понимаю, так это пошто он тут блюет, вместо того чтобы где в тишине рифмы складывать. Впрочем, мне-то что. Не мое дело.

— В определенной степени твое. Ты спасла ему шкуру.

Мне тоже.

Мильва протерла мокрое от дождя лицо, на котором все еще можно было увидеть оттиск тетивы. Хотя стреляла она несколько раз, оттиск был только один – тетива постоянно прижималась к одному и тому же месту.

– Я уже сидела в ольховнике, когда ты трепался с гавнюкаром, – сказала она. – Не хотела, чтобы шельма меня видел, да и нужды не было. А потом приехали другие, и пошла сеча. Нескольких ты здорово разделал. Умеешь мечом крутить, ничего не скажешь. Хотя ты и хромой. Надо было тебе еще в Брокилоне посидеть, лечить ногу-то. Попортишь, так до конца жизни спотыкаться будешь, соображаешь, думаю?

– Переживу.

– И мне так мнится. Потому как я ехала следом, чтобы предупредить. И завернуть. Ничего не получится из твоей езды. На юге война. От Дришота идут на Бругге нильфгаардские войска.

– Откуда знаешь?

– А хоть бы и оттуда. – Девушка широким взмахом указала на трупы и коней. – Это ж нильфы. Похуже гавнюкаров будут. Солнце на шлемах видишь? Шитье на пополах? Собирайтесь, берем ноги в руки, того и гляди сюда новые нагрянут. Эти тут разъездом. Разведкой.

– Не думаю, – покачал головой Геральт, – что разведка или передовой отряд. За другим они приехали.

– Это за чем же?

– За этим, – указал он на лежащий в телеге гавенкаров потемневший от воды сосновый гроб.

Дождь поутих, греметь перестало. Буря перемещалась к северу. Ведьмак поднял валяющийся среди листьев меч, запрыгнул на воз, ругаясь втихую, потому что колено все еще давало о себе знать.

– Помоги открыть.

– Ты что, мертвяка хочешь... – Мильва осеклась, видя просверленные в крышке отверстия. – Холера! Гавнюкар живца в ящике вез?

– Какой-то пленник. – Геральт поддел мечом крышку. – Гавенкар здесь ждал нильфгаардца, чтобы передать ему. Они обменялись паролем и отзывом...

Крышка со скрипом оторвалась, явив человека с кляпом во рту, за руки и за ноги привязанного ременными петлями к боковинам гроба. Ведьмак наклонился. Присмотрелся внимательнее. Потом еще раз, еще внимательнее. И выругался.

– Ну, извольте, – проговорил он протяжно. – Сюрпризец! Кто бы ожидал?

– Знаешь его, что ль, ведьмак?

– Встречались, – неприятно усмехнулся он. – Спрячь нож, Мильва. Не разрезай ему пут. Это, похоже, внутренняя нильфгаардская проблема. Нам не следует вмешиваться. Оставим все как есть.

– Да хорошо ли я слышу? – проговорил из-за их спин Лютик. Он все еще был бледен, но любопытство пересилило

другие чувства. — Хочешь оставить в лесу связанного человека? Догадываюсь, ты узнал кого-то, с кем был на ножах, но ведь это пленник, черт побери! Он был узником людей, которые напали на нас и чуть было не прикончили. Он враг наших врагов, а враги наших врагов...

Лютик замолчал, видя, что ведьмак вытаскивает из-за голенища складной нож. Мильва тихо кашлянула. Темно-голубые, прикрытые до сих пор от дождя глаза связанного человека расширились. Геральт наклонился и разрезал петлю на его левом плече.

— Глянь, Лютик, — сказал он, взяв пленника за кисть и поднимая ее. — Видишь шрам на руке? Это его Цири рубанула. На острове Танедд, месяц назад. Это нильфгаардец. Приехал на Танедд специально, чтобы увезти Цири. Она дала ему мечом, спасаясь от похищения.

— Коту под хвост вся ейная работня, — буркнула Мильва. — Чего-то тут, сдается, не играет. Ежели этот нильф твою Цирю с острова для Нильфгаарда увести хотел, то как он в гроб-то попал? Почему его гавнюкар нильфам как раз же и выдавал? Вытащи у него кляп из пасти, ведьмак. Может, он чего скажет?

— Нет у меня никакого желания его слушать, — глухо ответил ведьмак. — У меня уже сейчас рука чешется ткнуть его мечом. Едва сдерживаюсь. А если он еще и заговорит, не сдержусь. Я вам не все о нем сказал.

— Ну и не сдерживайся, — пожала плечами Мильва. — Сдер-

живаться вредно. Ткни, ежели это такой негодяй. Только побыстрей, время торопит. Я ж говорила, вот-вот нильфы нагрянут. Я – за своим конем.

Геральт выпрямился, отпустив руку связанного. Тот тут же выдернул изо рта кляп и сплюнул. Но не заговорил. Ведьмак кинул ему нож на грудь.

– Не знаю, за какие грехи запихали тебя в этот сундук, нильфгаардец, – сказал он. – И мне это до свечки. Оставляю тебе нож, освобождайся сам. И жди здесь своих или убегай в леса, воля твоя.

Пленник молчал. Сейчас, связанный и засунутый в деревянный ящик, он выглядел еще более жалким и беззащитным, чем на Танедде, а там Геральт видел его на коленях, в луже крови, раненного, трясущегося от страха. Да и казался он гораздо моложе. Ведьмак не дал бы ему больше двадцати пяти лет.

– Я подарил тебе жизнь на острове, – добавил он. – Дарю и сейчас. Но в последний раз. При следующей встрече прикончу как собаку. Запомни. Если тебе вдруг вздумается уговорить своих дружков погнаться за нами, прихвати гроб с собой. Пригодится. Поехали, Лютик.

– А ну, быстро! – крикнула Мильва, возвращаясь галопом с ведущей на запад тропы. – Да не сюда! В леса, сучья мать, в леса!

– Что случилось?

– От Ленточки конники идут. Большой кучей! Нильфы!

Ну, чего глазееете? По коням, пока нас не окружили!

Бой за село шел уже битый час, а конца все еще видно не было. Пешие, обороняющиеся из-за каменных стенок, заборов и баррикад, сложенных из телег, отразили уже три атаки конницы, наступавшей на них по дамбе. Ширина дамбы не позволяла конникам организовать фронтальный нажим, а обороняющейся пехоте давала возможность уплотнить оборону. В результате волны конницы всякий раз разбивались о баррикаду, из-за которой отчаявшиеся, но ожесточенные кнехты осыпали плотные ряды конников градом стрел из луков и арбалетов. Кавалеристы сбивались в кучу, и тогда защитники набрасывались на них, колотя бердышами, гизармами и коваными боевыми цепами. Конница отступала к прудам, оставляя трупы людей и лошадей, а пехотинцы вновь прятались за баррикадой и покрывали врага страшными ругательствами. Спустя какое-то время конница восстанавливала порядок и атаковала снова.

И все повторялось.

– Интересно, кто с кем дерется? – в очередной раз невнятно спросил Лютик, мусоливший во рту сухарь, который выклянчил у Мильвы.

Они сидели на самом краю обрыва, хорошо укрытые в можжевельнике, и могли наблюдать за боем, не опасаясь, что их самих кто-нибудь заметит. Точнее говоря, не то чтобы могли, а просто вынуждены были наблюдать. Другого выхода

у них не было. Впереди кипел бой, позади горели леса.

– Нетрудно угадать, – наконец неохотно решился ответить Геральт на вопрос Лютика. – Конники – нильфгаардцы.

– А пешие?

– А пешие – не нильфгаардцы.

– Конники – регулярная кавалерия из Вердэна, – сказала Мильва, до той поры угрюмая и подозрительно неразговорчивая. – Шахматные клетки на пополах. А те, что в деревне, – бруггенские наемники. По хоругви видать.

Действительно, ободренные очередным успехом кнехты подняли над шанцем зеленый штандарт с белым крестом, плечи которого раздваивались на концах. Геральт смотрел внимательно, но раньше штандарта не видел, защитники подняли его только теперь. Видимо, в начале боя он где-то затерялся.

– И долго мы будем сидеть? – спросил Лютик.

– Глянь-ка! – буркнула Мильва. – Спрашивает! Посмотри сам-то! Куды ни глянь – всюду хреново.

Лютику не надо было ни смотреть, ни оглядываться. Весь горизонт был исполосован столбами дыма. Плотнее всего дымило на севере и западе, где чья-то армия поджигала леса. Многочисленные дымы вздымались в небо и на юге, там, куда они направлялись, когда путь им преградил бой. Но за тот час, что они провели на обрывистом холме, дымы поднялись и на востоке.

– Однако ж, – начала лучница после недолгого молчания,

взглянув на Геральта, – интересуется меня, ведьмак, и здорово интересуется, что ты теперь собираешься делать. За нами Нильфгаард и горящие леса, что перед нами – сам соображаешь. Так какие же у тебя планы?

– Мои планы не изменились. Пережду бой и отправлюсь на юг. К Яруге.

– Не иначе как тебе разум отшибло, – скривилась Мильва. – Видать же, что дееется. Голым же глазом видать, что это не какая-то там драчка ничьих мужиков, а, как говорится, война. Нильфгаард на пару с Вердэном прет. На юге уж наверняка Яругу перешли, не иначе уж весь Бругге, а может, и Содден в огне...

– Я должен добраться до Яруги.

– Ладно! А потом?

– Найду лодку, пойду вниз, попробую дойти до устья. Потом корабль. Должны же оттуда, черт побери, плавать какие-нито корабли...

– В Нильфгаард, что ли? – фыркнула Мильва. – Планы, значит, не изменились.

– Ты не обязана меня сопровождать.

– Ясно, не обязана. И хвала богам, потому как я смерти не ищу. Бояться-то я ее не боюсь, но скажу тебе: дать себя прикончить невелика штука.

– Знаю, – ответил он спокойно. – Есть опыт. Не шел бы в ту сторону, коли не нужна. Но – нужна, вот и иду. Ничто меня не удержит.

– Хо! – окинула она его взглядом. – А голосок, словно кто ножом по дну старого котла скребет. Если б тебя император Эмгыр услышал, в штаны б, ей-бо, напустил со страху. Ко мне, стража, ко мне, свита моя императорская, беда, беда-то какая, слышь, уж тут к нам, в Нильфгаард, ведьмак челном прет. Вот-вот тута будет, жизни и короны лишит! Все! Погибнул я, несчастный!

– Перестань, Мильва.

– Факт! Сам час тебе правду в глаза сказать. Да пусть меня полинялый кролик на пне отдерет, если я когда дурнее тебя парня видала! Едешь у Эмгыра свою девку выдирать? Которую Эмгыр в императрицы высмотрел? Которую у королей отобрал? У Эмгыра коготь что надо, чего уцепит, того не отпустит. Короли с ним не управились, а ты хочешь?

Ведьмак не ответил.

– В Нильфгаард, стало быть, намылился, – повторила Мильва, покачав головой. – С императором воевать надумал, невесту у него отбить. А ты подумал, как все может обернуться? Вот ты доехал, вот свою Цирю в дворцовых покоях отыскал, всю в злате и шелках, ну и что ты ей скажешь? Пошли, мол, милая, со мной, что тебе императорский трон, вдвоем в шалаше заживем из души в душу, перед новолунием кору грызть будем. Ты глянь на себя, хромой оборвыш. Ты даже капор и опорки у дриад получил после какого-то эльфа, который от ран помер в Брокилоне. Ты знаешь, что будет, когда тебя твоя мазелька увидит? В очи тебе плюнет,

высмеет, драбантам велит тебя взашей за порог выкинуть и собаками затравить!

Мильва говорила все громче, под конец почти кричала. Не только от злости, но чтобы перекрыть усиливающийся гул. Снизу орали десятки, может, сотни глоток. На бруггенских кнехтов навалилась очередная атака. Но теперь с двух сторон одновременно. Одетые в синие туники с черно-белыми клетками на груди вердэнцы гарцевали впереди, а из-за пруда, заходя защитникам с фланга, вылетел сильный отряд наездников в черных плащах.

– Нильфы, – кратко бросила Мильва.

Теперь у бруггенской пехоты не было никаких шансов выстоять. Кавалеристы прорвались через преграды и мгновенно разнесли защитников мечами. Штандарт с крестом упал. Часть пехотинцев бросила оружие и сдалась, часть пыталась бежать к лесу. Но оттуда налетел третий отряд, ватага разномастно одетых легковооруженных конников.

– Ская'таэли, – поднявшись, сказала Мильва. – Теперь-то ты понял, что творится, ведьмак? Дошло до тебя? Нильфгаард, Вердэн и «белки» вкупе. Война. Как в Аэдирне месяц назад.

– Это рейд, – покрутил головой Геральт. – Грабительский налет. Только конница, никакой пехоты...

– Пехота форты и укрепленные замки берет. Вон те дымы, думаешь, откуда? Из коптилен?

Снизу, от деревушки, до них долетали дикие, отчаянные

вопли беглецов, которых догоняли и приканчивали «белки». С крыш поднялись дымы и огонь. Сильный ветер подсушил солому после утреннего ливня, пожар мгновенно перекидывался на соседние домишки.

– Вот, – буркнула Мильва, – конец селу. А ведь токо-токо отстроились опосля той войны. Два года в поте лица ставили, а сгорит за пару часов. Научиться б пора!

– Чему? – быстро спросил Геральт.

Она не ответила. Дым от пылающей деревушки взбивался высоко, добрался до обрыва, щипал глаза, выжимал слезы. Со стороны пожара долетели крики. Лютик вдруг побелел как полотно.

Пленных сбили в кучу, взяли в кольцо. По приказу рыцаря в шлеме с черным султаном конники принялись сечь и рубить безоружных. Падающих топтали лошадьми. Кольцо сжималось. Крики, долетавшие до обрыва, перестали походить на человеческие голоса.

– И мы пойдем на юг? – спросил поэт, выразительно глядя на ведьмака. – Через пожары? Туда, откуда являются эти мясники?

– Сдается мне, – не сразу ответил Геральт, – выбора у нас нет.

– Есть, – сказала Мильва. – Я могу провести вас лесами за Совиные Холмы и обратно до Кеанн Трайса. В Брокилон.

– Через пылающие леса? Сквозь огонь, от которого мы едва убежали?

– Все вернее, чем дорогой на юг. До Кеанн Трайса не более четырнадцати верст, а я знаю тропки.

Ведьмак глядел вниз, на гибнущую в огне деревню. Нильфгаардцы уже управились с пленными, конники выстраивались в походную колонну. Разношерстная ватага ско-я'таэлей двинулась по тракту, ведущему на восток.

– Я не возвращусь, – ответил Геральт жестко. – А вот Лютика в Брокилон проводи.

– Нет! – запротестовал поэт, хоть лицо его все еще не обрело своего нормального цвета. – Еду с тобой.

Мильва махнула рукой, подняла колчан и лук, сделала шаг в сторону лошадей, неожиданно повернулась.

– К дьяволу! Слишком долго и слишком часто я эльфов от гибели спасала. Не можно мне теперь глядеть, как кто гибнет. Провожу вас до Яруги, психи шальные, токо не южным путем, а восточным.

– Там же леса горят!

– Провожу через огонь. Привыкла.

– Ты не должна этого делать, Мильва.

– И верно, не должна! Ну, в седла! Двигайтесь наконец!

Уехали недалеко. Кони с трудом передвигались в чащобе и по заросшим стежкам, а пользоваться дорогами они не отваживались – отовсюду долетал топот и гул перемещающихся войск. Сумрак застал их среди заросших кустарником балок, и тут они остановились на ночлег. Дождь перестал. Небо

было светлым от пожаров.

Они отыскиали сравнительно сухое место, присели, обернувшись накидками и попонами. Мильва отправилась разведать околицу. Как только она отошла, Лютик дал волю долго сдерживаемому любопытству, которое возбуждала в нем брокилонская лучница.

– Девушка – прямо лань, – бурчал он. – Везет тебе на такие знакомства, Геральт. Стройная и ладная, не ходит – танцует. По мне, так немного узковата в бедрах, а в плечах чуточку мощновата, но ведь женщина, женщина... Яблочки впереди... того и гляди, хо-хо... рубашка лопнет...

– Заткнись, Лютик.

– В пути, – мечтательно закатил глаза Лютик, – мне случилось нечаянно коснуться. Бедра, скажу тебе, словно мрамор. М-да, не скучал ты тот месяц в Брокилоне...

Мильва, которая в этот момент вернулась из разведки, услышала театральный шепот и заметила взгляды.

– Обо мне треплешься, поэт? Че-то ты на меня пялишься, едва я отвернусь? Птица мне на спину наклала?

– Никак не можем надивиться твоему искусству лучника, – осклабился Лютик. – Думаю, на стрелецких состязаниях у тебя б конкурентов не было.

– Давай-давай, трепись.

– Читал я, – Лютик многозначительно глянул на Геральта, – что самых лучших лучниц можно найти среди зерриканок, в степных кланах. Некоторые вроде бы отрезают себе

левую грудь, чтобы не мешала натягивать лук. Бюст, говорят, мешает тетиве.

– Не иначе, какой виршеплет навроде тебя выдумал, – прыснула Мильва. – Сидит себе и от нечего делать придумывает всякую ослиную дурь, перо в горшок ночной макает, а люди глупые верят! Что, сиськами, что ль, стреляют-то? Или как? К щеке тетиву натягивают, боком стоя, вот так. Ни за чего тетива не задевает. Что отрезают – глупость, выдумка пустоголовых бездельников навроде тебя, которым вечно одни бабы титьки снятся.

– Благодарю за сердечные слова о поэтах и поэзии. И за лекцию о лучницах. Хорошее оружие лук. Знаете что? Я думаю, именно в этом направлении будет развиваться военная наука. В будущих войнах биться будут на расстоянии. Изобретут такое оружие, что противники смогут запросто убивать друг друга, вообще не видя, кого убивают!

– Дурь одна... – кратко оценила Мильва. – Лук – хорошая штука, но война – это мужик супротив мужика, на длину меча. Тот, что крепче, слабаку башку пополам. Всегда так было и так будет. А когда кончится, то и войнам конец. А пока что – видел, как воюют? В той деревне, возле дамбы. Эх, что трепаться впустую. Пойду гляну. Кони храпят, ровно б волк где поблизости крутит...

– Ну – лань и лань! – Лютик проводил ее взглядом. – Хммм... Однако, возвращаясь к упомянутой деревне у дамбы и к тому, что Мильва твоя сказала, когда мы на обрыве

сидели... Ты не считаешь, что она была малость права?

– Относительно чего?

– Относительно... Цири. – Поэт слегка запнулся. – Наша прелестная и быстрострельная дева, похоже, не уразумела ваших взаимоотношений, думает, как мне кажется, что ты намерен соперничать с нильфгаардским императором в борьбе за ее руку. Что в этом истинная причина твоего похода в Нильфгаард.

– Стало быть, относительно этого она не права. А относительно чего права?

– погоди, не заводишься. Но взгляни правде в глаза. Ты приглубил Цири и считаешь себя ее опекуном. Но это ведь не обычная девушка. Она – королевское дитя, Геральт. Ей, как ни говори, положен трон. Дворец. Корона. Не знаю, конечно, нильфгаардская ли. Не знаю, лучший ли для нее муж Эмгыр...

– И верно. Не знаешь.

– А ты знаешь?

– Ясное дело – потихоньку приближаешься к выводам, – сказал ведьмак, плотнее заворачиваясь в попону. – Не старайся очень-то. Я знаю, что это за вывод. Нет смысла спасать Цири от судьбы, писанной ей при рождении. Ибо спасенная Цири вполне может приказать драбантам скинуть нас с лестницы. А посему – оставим ее в покое. Так?

Лютик раскрыл рот, но Геральт не дал ему заговорить.

– Девочку, – начал он все сильнее изменяющимся голо-

сом, — поймал не дракон или злой волшебник, не пираты похитили ее ради выкупа. Она не сидит в башне, в застенке или в клетке, ее не пытаются и не морят голодом. Все совсем наоборот. Она спит на дамасте, ест с серебра, носит шелка и кружева, вся увешана драгоценностями, того и гляди ее коронуют. Короче говоря, она счастлива. А какой-то ведьмак, которого злой рок когда-то случайно поставил у нее на пути, надумал это счастье порушить, уничтожить, растоптать дырявыми опорками, которые ему достались в наследство от какого-то дохлого эльфа. Так?

— Не это я имел в виду, — буркнул Лютик.

— Да не к тебе он обращается. — Мильва неожиданно вынырнула из мрака и после недолгого колебания присела рядом с ведьмаком. — Ко мне. Это мои слова так его допекли. По злобе я говорила, не подумавши... Ты уж прости, ведьм. Знаю я, как бывает, когда в живую рану коготь всадить... Ну, не злись. Больше я так не сделаю. Простишь? Или надо тебя ради прощения... приголубить?

Не ожидая ответа или разрешения, она сильно обняла его за шею и поцеловала в щеку. Он крепко сжал ей руку.

— Придвинься, — откашлялся он. — И ты тоже, Лютик. Рядом теплее будет!

Молчали долго. По светлому от зарев небу двигались облака, то и дело заслоняя помигивающие звезды.

— Хочу вам кое-что сказать, — наконец проговорил Геральт. — Но поклянитесь, что не станете смеяться.

– Давай.

– Видел я странные сны. В Брокилоне. Сначала думал – бред. Что-то с головой. Понимаете, на Танедде меня здорово треснули по лбу. Но несколько ночей я видел один и тот же сон. Постоянно один и тот же.

Лютик и Мильва молчали.

– Цири, – продолжал он, – не спит во дворце под парчовым балдахинном, а едет на лошади через какую-то пыльную деревушку... Кметы указывают на нее пальцами. Называют именем, которого я не знаю. Лают собаки. Она не одна. Есть там и другие. Какая-то коротко стриженная девушка держит Цири за руку... Цири ей улыбается. Не нравится мне ее улыбка. Не нравится мне ее яркий макияж... А больше всего не нравится мне то, что за ней следом плетется смерть...

– Тогда где же эта девушка? – заурчала Мильва, словно кошка прижимаясь к нему. – Не в Нильфгаарде?

– Не знаю, – с трудом ответил он. – Но один и тот же сон я видел несколько раз. Проблема-то в том, что я не верю в такие сны.

– Ну и глупо. Я верю.

– Не знаю, – повторил он. – Но чувствую. Перед ней огонь, а за ней смерть. Мне надо спешить.

На рассвете снова пошел дождь. Не так, как вчера, когда буря сопровождалась сильным, но кратким ливнем. Сейчас небо посерело и затянулось свинцовым налетом. Начало мо-

росить: мелко, ровно, докучливо.

Они ехали на восток. Мильва вела. Когда Геральт обратил ее внимание на то, что Яруга находится на юге, лучница обрезала его и напомнила, что ведет она и она сама знает, что делает. Больше он не заговаривал. В конце концов важно было, что они едут. Направление особого значения не имело.

Ехали молча, мокрые, озябшие, ссутулившись в седлах. Придерживались лесных тропок, проскальзывали вдоль вырубков, пересекали тракты. Слыша стук копыт проходившей по дорогам кавалерии, углублялись в чащу. Широкой дугой обходили гул и рев боев. Проезжали мимо полыхающих деревень, мимо дымящихся и тлеющих пожарищ, мимо поселков и мыз, от которых остались только черные квадраты выгоревшей земли и резкая вонь промоченной дождем гари. Спугивали стаи ворон, обжирающихся трупами. Миновали группы и колонны сгибающихся под тяжестью тюков и сундуков, бегущих от войны и пожара кметов, отупевших, отвечающих на вопросы только испуганным, ничего не понимающим и не выражающим взглядом пустых от несчастья и ужаса глаз.

Они ехали на восток, в огне и в дыму, в мороси и тумане, а перед их глазами разворачивался гобелен войны, сменялись картины.

Была картина с журавлем, вознесшим черную стрелу посреди руин спаленной деревушки. На журавле висел нагой труп. Головой вниз. Кровь из разрубленной промежности и

живота стекала ему на грудь и лицо, сосульками свисала с волос. На спине трупа была видна руна «Ард». Вырезанная ножом.

– An'givaré, – сказала Мильва, откидывая мокрые волосы с шеи. – Здесь были «белки».

– Что значит an'givaré?

– Доносчик.

Была картина с сивой лошадью в черной попоне. Животное, покачиваясь, ступало по краю побоища, пробираясь между навалами трупов и вбитыми в землю обломками копий, тихо и со свистом ржало и волочило за собой вывалившиеся из распоротого брюха внутренности. Добить лошадь они не могли – кроме нее, по полю шатались обдирающие трупы мародеры.

Была картина с распятой девушкой, лежащей недалеко от спаленного крестьянского двора, голой, окровавленной, глядящей в небо остекленевшими глазами.

– Говорят, драка – мужская доля, – проворчала Мильва. – А над бабой не сжалются, обязательно должны поизмываться. Герои, собачья масть!

– Ты права. Но этого не изменишь.

– Я уже изменила. Сбежала из дому. Не хотела подметать халупу и драить полы. И ждать, когда придут, халупу подпалят, а меня разложат на полу и...

Она не закончила, подогнала коня.

А потом была картина со смолокурней. Вот тогда-то Лю-

тик выблевал все, что в тот день съел, то есть сухарь и половину вяленой трески.

В смолокурне нильфгаардцы – а может, скоя'таэли – расправились с большой группой пленников. Сколько их было в этой большой группе, невозможно было сосчитать даже приблизительно. Потому что для расправы послужили не только стрелы, мечи и копья, но и найденный в смолокурне лесорубский инструмент: топоры, струги и пилы.

Были и другие картины, но Геральт, Лютик и Мильва их уже не запомнили. Выкинули из памяти.

Стали невосприимчивыми.

За следующие два дня не проехали и двадцати верст. Шел дождь. Почва, возжаждущая после летней суши воды, упиалась до пересыта, лесные дорожки развезло. Туман и испарения не позволяли видеть дымы пожаров, но запах гари указывал на то, что войска все еще недалеко и продолжают жечь все, что берет огонь.

Беженцев они не видели. Шли по лесам одни. Во всяком случае, так им казалось.

Геральт первым услышал храп идущего за ними следом коня. С каменным лицом завернул Плотву. Лютик раскрыл было рот, но Мильва жестом велела ему молчать, вынула лук из сайдака при седле.

Едущий следом за ними человек появился из зарослей. Увидел, что его ожидают, и остановил коня, гнедого жереб-

ца. Так они и стояли в тишине, прерываемой только шумом дождя.

– Я запретил тебе ехать за нами, – наконец сказал ведьмак.

Нильфгаардец, которого Лютик последний раз видел засунутым в гроб, уставился на мокрую гриву коня. Поэт едва узнал его, одетого в кольчугу, кожаный кафтан и плащ, несомненно, позаимствованный у одного из убитых гавенкаров. Однако он запомнил молодое лицо, которое с момента приключения под букром еще не успела изменить скупая растущая борода.

– Я запретил, – повторил Геральт.

– Запретил, – наконец признал юноша. Говорил он без нильфгаардского акцента. – Но я должен.

Геральт спрыгнул с коня, бросил поводья поэту. И вытянул меч.

– Слезай, – сказал он спокойно. – Вижу, ты уже приобрел себе железяку. Это хорошо. Я не хотел кончать тебя, когда ты был безоружным. Теперь – другое дело. Слезай.

– Я не стану с тобой биться. Не хочу.

– Догадываюсь. Как и все твои соплеменники, предпочитаешь другой вид драки. Такой, как в той смолокурне, рядом с которой тебе пришлось проехать, следуя за нами. Слезай, говорю.

– Я – Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах.

– Меня не интересует твое имя. Я приказал слезть.

– Не слезу. Я не хочу с тобой биться.

– Мильва, – кивнул ведьмак лучнице. – Окажи мне любовь, убей под ним коня.

– Нет! – Нильфгаардец поднял руку, прежде чем Мильва наложила стрелу на тетиву. – Нет, пожалуйста, не надо. Я слезу.

– Так-то оно лучше. А теперь доставай меч, сопляк.

Юноша скрестил руки на груди.

– Убей меня, если хочешь. Если не хочешь сам – прикажи своей эльфке застрелить меня из лука. Я не стану с тобой биться. Я Кагыр Маур Дыффин... сын Кеаллаха. Я хочу... Я хочу присоединиться к вам.

– Уж не ослышался ли я? Повтори.

– Хочу к вам присоединиться. Ты ищешь девочку. Я хочу тебе помочь.

– Псих ненормальный, – повернулся Геральт к Мильве и Лютику. – Он спятил. Чокнутый какой-то.

– В сам раз для нашей компании, – буркнула Мильва. – Прямо тютелька в тютельку подошел бы.

– Обдумай его предложение, Геральт, – съехидничал Лютик. – Как-никак нильфгаардский дворянин. Может, с его помощью нам будет легче пробраться в...

– Попридержи язык, – прервал его ведьмак. – Ну, давай доставай меч, нильфгаардец.

– Я не буду биться. И я не нильфгаардец. Я из Виковаро. Меня зовут...

– Мне плевать, как тебя зовут. Доставай оружие.

– Нет.

– Ведьмак, – Мильва наклонилась в седле, сплюнула на землю, – время идет, а дождь мочит. Нильф не хочет с тобой биться, а ты, хоть и строишь зверские рожи, не зарубишь его так, за здорово живешь. И что, будем тут торчать, покуда не обделаемся? Всажу его гнедому стрелу в пах, и едем дальше. Пёхом он за нами не поспеет.

Кагыр, сын Кеаллаха, одним прыжком подскочил к гнедому жеребцу, запрыгнул в седло и помчался назад, криком подгоняя коня. Ведьмак какое-то время глядел ему вслед, потом сел на Плотву. Молча. И не оглядываясь.

– Старею, видать, – буркнул он немного погодя, когда Плотва поравнялась с вороним конем Мильвы. – Принципы наружу вылезли.

– У стариков это бывает. – Лучница с сочувствием глянула на него. – И часто вылезают? Отвар из медуницы, говорят, помогает. И вправлять надо. А пока – клади себе подушечку под зад.

– Принципы, – серьезно пояснил Лютик, – не геморройные шишки, Мильва. Ты путаешь понятия.

– А кто их там поймет, треп-то ваш заумный! Болтаете, болтаете, одно токо и умеете! А ну, дальше! Езда!

– Мильва, – немного погодя спросил ведьмак, прикрывая лицо от секущего на галопе дождя. – Убила б ты под ним коня?

– Нет, – неохотно призналась она. – Чем конь-то виноват?

Да и нильф энтот... Какого черта он за нами увязался? Пошто говорит, что должен?

– Чтоб меня черти взяли, если знаю.

Дождь не прекращался, когда лес неожиданно кончился и они выехали на тракт, бегущий среди холмов с юга на север. Или наоборот, в зависимости от точки зрения.

То, что они увидели на тракте, их не удивило. Такое уже было. Перевернутые и развороченные телеги, конские трупы, раскиданные тюки, выюки и лубяные короба. И изувеченные, застывшие в разных позах тела, которые еще недавно были живыми людьми.

Подъехали ближе, без опаски, так как ясно было, что бойня произошла не сегодня, а вчера или позавчера. Они уже научились распознавать такие штуки, а может, чувствовали их простым животным инстинктом, который пробудился и обострился в них за прошедшие дни. Научились они и осматривать побоища, потому что иногда – правда, редко – среди пораскиданных пожитков удавалось найти немного съестного либо мешок фуража.

Остановились у крайнего фургона разгромленного обоза, спихнутого в ров и как бы присевшего на ступицу поломанного колеса. Под фургоном лежала полная женщина с неестественно вывернутой шеей. Ворот куртки покрывали размытые дождем струйки засохшей крови из разорванной мочки уха, из которой выдрали серьгу. На тенте фургона

виднелась надпись: «ВЭРА ЛЁВЕНХАУПТ И СЫНОВЬЯ». Сыновей поблизости не было.

– Это не кметы, – стиснула зубы Мильва. – Это купцы. С юга шли, от Диллингена и Бругге, тут их и накрыли. Скверно, ведьмак. Я уж мнила тут к югу свернуть, а теперь, ей-бо, не знаю, что делать. Диллинген и весь Бругге уж точно в нильфгаардских руках, здесь нам к Яруге не пройти. Надо дальше на восток двигать, через Турлуг. Там леса и безлюдье, туда армия не пойдет.

– Дальше на восток я не поеду, – возразил Геральт. – Мне необходимо попасть на Яругу.

– И попадешь, – неожиданно спокойно ответила она. – Но по более безопасному пути. А двинешь отсюда на юг, прямо в зубы нильфам попадешь. И ничего не выгадаешь.

– Время выгадаю, – буркнул он. – А если ехать на восток, значит, снова его упущу. Говорил же – не могу я себе этого...

– Тише! – вдруг сказал Лютик, поворачивая коня. – Перестаньте на минуту болтать.

– Что такое?

– Слышу... пение.

Ведмак покачал головой. Мильва хихикнула.

– Чудится тебе, трубадуй.

– Тихо, сказал! Заткнитесь! Кто-то поет, говорю же. Не слышите?

Геральт скинул капюшон, который Мильва обозвала капором. Мильва тоже прислушалась, потом глянула на ведь-

мака и молча кивнула.

Музыкальный слух не подвел трубадура. То, что казалось невозможным, оказалось правдой. Они стояли в сердце леса под морозящим дождем, на дороге, усеянной трупами, и слышали пение. Кто-то приближался с юга и пел бодро и весело.

Мильва дернула поводья вороного, готовая бежать, но ведьмак жестом остановил ее. Его это заинтересовало. Потому что доносящееся до них пение не было грозной, ритмичной, гудящей многоголосицей марширующей пехтуры или задорной песенкой конников. Оно не вызывало страха. Со всем наоборот.

Дождь шумел в листве. Уже можно было различить слова песенки. Веселой песенки, казавшейся в этой панораме войны и смерти чем-то чуждым, неестественным и совершенно неуместным.

Гляньте, там в бору-борочке да волчишко пляшет,
Зубья щерит, резво скачет и хвостишком машет.
Ты чего такой веселый, бестия лесная?
Иль жены не подыскалось? Не нашлась такая?
Ум-та, ум-та, у-ху-ха!

Лютик вдруг рассмеялся, вытащил из-под мокрого плаща лютию, не обращая внимания на шипение ведьмака и Мильвы, рванул струны и подхватил во весь голос:

Гляньте, серый волк патлатый стонет под горою,
Морда в землю, хвост под брюхом и слеза рекою.
Ты чего такой унылый, бестия лесная?
Ох, женился я по дури! Ох, судьбина злая!

– Ум-та, ум-та, у-ху-ха! – подхватили совсем близко многочисленные голоса.

Раздался дружный смех, кто-то пронзительно засвистел на пальцах, и из-за поворота показалась удивительно живописная, идущая гуськом компания, разбрызгивающая грязь ритмичными ударами тяжелых сапожищ.

– Краснолюды, – вполголоса отметила Мильва. – Но не из «белок». Бороды не заплетены.

Их было шестеро. В коротких, переливающихся всеми оттенками серого и коричневого плащах с капюшонами, какие краснолюды обычно носят во время ненастья. Геральт знал, что такие плащи совершенно не пропускали воды, поскольку из года в год они пропитывались дегтем, покрывались дорожной пылью и остатками жирной пищи. Практически такая одежда переходила от отца к старшему сыну, поэтому пользовались ею, как правило, исключительно краснолюды зрелого возраста. А зрелости краснолюд достигал тогда, когда борода доходила ему до пояса, что обычно случалось годам к пятидесяти.

Ни один из приближающихся на молодого не походил. Но и на старого тоже.

– Людей ведут, – буркнула Мильва, движением головы

указывая Геральту на группу, выходящую из леса вслед за шестеркой краснолюдов. – Не иначе как беженцев, глянь, все поклажей увешаны.

– Да и сами тоже неплохо нагружены, – заметил Лютик.

Действительно, каждый краснолюд тащил груз, под которым запросто свалился бы не только человек, но и конь, что послабее. Кроме обычных наспинных мешков и котомок, Геральт заметил небольшие туески, солидный медный котел и что-то вроде маленького сундука с ящиками. Один нес на плече колесо от телеги.

Передний шел налегке. За пояс у него был засунут небольшой топорик, за спиной – длинный меч в ножнах, обернутых полосатыми кошачьими шкурками, на плече зеленый мокрый взъерошенный попугай. Именно передний с ними и поздоровался.

– Приветствую! – рявкнул он, останавливаясь посередине дороги и упираясь руками в бока. – Времена такие, что лучше волка повстречать в бору, чем человека, а если уж выпало человека, то сподручней встречного стрелой из самострела попотчевать, чем добрым словом поприветствовать! Но кто песней здоровкается, кто музыкой представляется, тот, видать, свой мужик. А может, и своя баба, прошу прощения у милой дамы! Приветствую. Я – Золтан Хивай.

– Я – Геральт, – представился после недолгого колебания ведьмак. – Пел Лютик. А это – Мильва.

– Крррва мать! – проскрипел попугай.

– Захлопни клюв! – буркнул на птицу Золтан Хивай. – Прощения прошу. Мудрая эта заморская птица, но невоспитанная. Десять талеров за чудака отдал. Фельдмаршал Дуб зовется. А это остальная моя компания: Мунро Бруйс, Язон Варда, Калев Страттон, Фиггис Мерлуццо и Персиваль Шуттенбах.

Персиваль Шуттенбах был не краснолюд. Вместо всклокоченной бороды из-под мокрого капюшона выступал длинный и острый нос, безошибочно указывающий на принадлежность владельца старой и благородной расе гномов.

– Эти, – указал Золтан Хивай на сбившихся неподалеку в кучку людей, – беженцы из Кернова. Одни бабы с ребятей. Больше их было, но Нильфгаард окружил их три дня тому, вырезал и рассеял. Мы наткнулись на них в лесах и теперь вот сообща идем.

– Смело идете, – позволил себе заметить ведьмак. – По дороге с песнями.

– Не думаю, – тряхнул бородой краснолюд, – что топать с плачем было бы лучше. От Диллингена шли лесами, тихо и скрытно, а когда войска прошли, выбрались на тракт, чтобы время нагнать. – Он осекся, глянув на побоище.

– К таким картинкам, – указал он на трупы, – мы уже привыкли. От самого Диллингена, от Яруги на трактах одна смерть... Вы из этих?

– Нет. Купцов нильфгаардцы вырезали.

– Нет. Не нильфгаардцы, – покрутил головой краснолюд,

равнодушно глядя на убитых. – Скоя'таэли. Регулярное войско не тратит времени на то, чтобы стрелы из трупов вытаскивать. А хорошая стрела полкроны стоит.

– Ишь, разбирается, – буркнула Мильва.

– Куда идете?

– На юг, – тут же ответил Геральт.

– Не советую. – Золтан Хивай снова покачал головой. – Там сплошь ад, огонь и гибель. Диллинген уже наверняка захвачен, все крупные силы Черных переходят Яругу, того и гляди зальют всю долину на правом берегу. Сами видите, они уже перед нами, на севере, идут на город Бругге. Стало быть, единственно разумное направление бегства – восток.

Мильва многозначительно глянула на ведьмака, а ведьмак воздержался от комментариев.

– Мы, к примеру, на восток направляемся, – продолжал Золтан Хивай. – Единственный шанс – это спрятаться за фронт, а с востока, от реки Ины, в конце концов двинутся темерские войска. Думаем идти туда лесными просеками до Холмов Турлуга, потом Старой Дорогой до Соддена, до реки Хотли, что в Ину впадает. Хотите, пойдемте вместе. Если не помешает, что медленно идем. У вас кони, а нас беженцы задерживают здорово.

– Вам, гляжу, – проговорила Мильва, проницательно глядя на него, – это вроде бы не мешает. Краснолюд даже с грузом тридцать верст в день может отмахать без малого, сколь и конный человек. Я знаю Старую Дорогу. Без беженцев вы

бы у Хотли за три дня были.

— Это ж бабы с детьками. — Золтан Хивай выставил бороду и живот. — Мы их на милость судьбы не кинем. Иль посоветуете что другое? Э?

— Нет, — сказал ведьмак. — Не посоветуем.

— Рад слышать. Значит, не подвел меня первый взгляд. Ну так как? Вместе идем?

Геральт глянул на Мильву, лучница кивнула.

— Добро. — Золтан Хивай заметил это. — Стало быть, в путь, пока нас тут на тракте какой-нито разъезд не прихватил. Но прежде... Язон, Мунро, осмотрите телеги. Ежели что полезного там осталось — забрать. Фиггис, проверь, годится ль наше колесо к той вон малой фуре. Она б нам была в сам раз.

— Годится! — крикнул через минуту тот, что тащил колесо. — Словно от ней и было.

— Ну, видишь, дурья башка? Дивился, когда я тебе вчера велел колесо взять и тащить! Приспособляй! Помоги ему, Калёб!

Удивительно быстро снабженный новым колесом воз покойницы Вэры Лёвенхаупт со снятым тентом и без ненужных элементов вытащили из рва на дорогу. Мгновенно свалили на него весь груз. Подумав, Золтан Хивай приказал посадить на телегу детей. Распоряжение было выполнено без энтузиазма – Геральт заметил, что беженки косо глядят на краснолюдов и предпочитают держаться от них подальше.

Лютик с явным неудовольствием поглядывал на двух краснолюдов, примерявших снятую с трупов одежду. Остальные шныряли среди телег, но, видно, ничего стоящего не нашли. Золтан Хивай свистнул на пальцах, дав знак, что пора уже кончать «промысел», затем глазом профессионала окинул Плотву и вороного Мильвы.

– Верховые, – отметил он, с неудовольствием шмыгнув носом. – Значит, не годятся. Фиггис, Калёб – за дышла. Будем меняться в упряжи. Марш!

Геральт был уверен, что краснолюды бросят телегу, как только та порядком увязнет на раскисших просеках, но ошибся. Низкорослые парни были сильны как быки, а ведущие на восток лесные дороги оказались травянистыми и не очень топкими.

Дождь шел без перерыва. Мильва стала угрюмой, вялой, а если и заговаривала, то только чтобы сказать, что у лошадей вот-вот полопается размякшая роговина на копытах. Золтан

Хивай в ответ облизывался, осматривал копыта и утверждал, что он крупный дока по части приготовления конины, чем доводил Мильву до бешенства.

Они выдерживали постоянный строй, в центре которого двигалась телега. «Тягачи» время от времени менялись. Перед телегой вышагивал Золтан, рядом с ним ехал на Пегасе Лютик, дружески препиравшийся с попугаем. За телегой следовали Геральт с Мильвой, а в хвосте тащились шесть женщин из Кернова.

Вел, как правило, Персиваль Шуттенбах, длинноносый гном. Уступая краснолюдям ростом и силой, он был их ровней по выносливости, а ловкостью даже значительно превосходил. Во время движения постоянно петлял, шебуршил по кустам, выбегал вперед и исчезал, затем неожиданно появлялся и нервными, обезьяньими жестами издали давал понять, что все в порядке, можно идти дальше. Иногда подходил и быстро докладывал о преградах на пути. Всякий раз, возвращаясь, приносил четверке сидевших на возу детей горсть орехов, ягод либо какие-нибудь странные, но явно вкусные корешки.

Шли они чудовищно медленно, пробирались по просекам и вырубкам три дня. Не встретили армии, не видели ни дымов, ни пожарищ. Однако одиноки не были. «Разведчик» Персиваль то и дело докладывал о скрывающихся в лесах группах беженцев. Несколько таких групп они миновали, причем быстро, потому что вид вооруженных вилами и

дубинами людей как-то не вызывал желания вступать с ними в контакт. Правда, кто-то из краснолюдов все-таки предложил попытаться переговорить и оставить одной группе женщин из Кернова, но Золтан воспротивился, а Мильва его поддержала. Женщины тоже явно не горели желанием покинуть компанию. Это было тем удивительнее, что к краснолюдам они относились с очевидным страхом и неприязнью, почти не разговаривали с ними и на каждой стоянке держались особняком.

Геральт объяснял поведение женщин трагедией, которую они недавно пережили, но при том подозревал, что причиной неприязни могли быть и свободные нравы краснолюдов. Золтан и его компания ругались так же непристойно и часто, как и попугай по имени Фельдмаршал Дуб, но при этом репертуар у них был несравнимо богаче. Распевали скабрёзные песенки, в чем им активно помогал Лютик. Плевались, сморкались в руку и пускали громкие ветры, становившиеся, как правило, поводом для смеха, шуток и соперничества. В кусты ходили исключительно по большой нужде, а малую справляли, не затрудняя себя долгим хождением. Последнее наконец разобрало Мильву, которая крепко отчитала Золтана, когда тот утром отлил на еще теплый пепел костра, совершенно не стесняясь зрителей и не обращая внимания на поднявшуюся вонь. Получив от Мильвы выговор, Золтан несколько не смутился и сообщил, что скрывать такого рода действия могут только двуличные, коварные и склонные к

доносительству типы, по каковым действиям таковых обычно и узнают. Однако красноречивые пояснения краснолюда не произвели на лучницу никакого впечатления. Она угостила краснолюдов богатым букетом ругательств и несколькими вполне конкретными обещаниями, что явно возымело действие, потому что все стали послушно ходить в кусты. Однако чтобы не попасть в разряд двуличных и коварных доносителей, делали это коллективно.

Зато новое общество совершенно изменило Лютика. Поэт был с краснолюдами запанибрата, особенно когда оказалось, что некоторые слышали о нем и даже знают его баллады и куплеты. Лютик старался не уступать Золтановой компании ни в чем. Носил стеганую куртку, которую выклянчил у краснолюдов, изрядно потрепанную шапочку с пером заменил на лихой куний колпак. Перепоясался широким, украшенным латуною поясом, за который заткнул полученный в подарок нож вполне разбойничьего вида. Нож этот, как правило, колол его в пах при каждом наклоне. К счастью, убийственное оружие вскоре где-то потерялось, а другого ему получить уже не удалось.

Они шли густыми лесами, покрывающими склоны Турлуга. Леса казались вымершими, никаких признаков животных, видимо, распуганных войсками и беженцами. Не за чем было поохотиться, но, к счастью, пока что голод им не грозил. Краснолюды прихватили с собой достаточно припасов. А когда они кончились – а кончились они вскоре, потому что

ртов было много, – Язон Варда и Мунро Бруйс, едва стемнело, исчезли, прихватив пустой мешок. Под утро они вернулись уже с двумя мешками, полными под завязку. В одном оказался овес для лошадей, в другом – крупа, мука, сушеная говядина, только-только початый круг сыра и даже огромный сычуг – деликатес в виде фаршированного ливером свиного желудка, спрессованного между двумя дощечками вроде меха для раздувания огня в печи.

Геральт догадывался, откуда берется добыча. Сразу комментировать не стал, но дождался подходящего момента. Когда он оказался с Золтаном один на один, то вежливо спросил, не видит ли тот чего-нибудь неприличного в ограблении других беженцев, голодных не меньше них и наравне с ними бьющихся за выживание. Краснолюд серьезно ответил, что да, ему страшно стыдно, но такой уж у него характер.

– Мой колоссальный недостаток, – пояснил он, – в неизбывной доброте. Я прямо-таки не могу не творить добро. Однако я – краснолюд разумный и рассудительный и знаю, что быть добрым ко всем невозможно. Если я попробую быть добрым ко всем, ко всему миру и всем населяющим его существам, то это будет то же самое, что капля пресной воды в соленом море, другими словами: напрасное усилие. Поэтому я решил творить добро конкретное, такое, которое не идет впустую. Я добр к себе и своему непосредственному окружению.

Больше вопросов Геральт не задавал.

На одной из стоянок Геральт и Мильва долго беседовали с Золтаном Хиваем, неисправимым и закоренелым альтруистом. Краснолюд был в курсе того, как проходят военные действия. Во всяком случае, так казалось.

– Наступление, – отвечал он, останавливая то и дело скрипяще сквернословящего Фельдмаршала Дуба, – началось с Дришота, на рассвете седьмого дня после Ламмаса. Вместе с нильфгаардцами шли союзные им вердэнские войска, потому что Вердэн, как вы знаете, теперь стал имперским протекторатом. Армии шли быстро, поджигая по пути все деревни за Дришотом и сметая размещенные там бруггенские гарнизоны. А на крепость Диллинген из-за Яруги накиннулись нильфгаардские Черные пехотинцы. Они перешли реку в совершенно неожиданном месте. Навели мост на лодках, за полдня навели, верите?

– Тут во все поверишь, – проворчала Мильва. – Вы были в Диллингене, когда началось?

– Неподалеку, – уклончиво ответил краснолюд. – Когда до нас дошли вести о нападении, мы уже были на пути к городу Бругге. На тракте возник страшный бедлам, от беженцев не продохнешь, одни жмут с юга на север, другие – наоборот. Забили тракт, тут мы и уперлись. А нильфгаардцы, как оказалось на поверку, были и за нами, и перед нами. Вероятно, разделились те, что шли от Дришота. Думается мне, большой конный разъезд пошел на северо-восток, как раз к

городу Бругге.

– Значит, Черные уже находятся к северу от Турлуга. Получается, что мы в самой середине, между разъездами. В пустоте.

– Ага, в середине, – согласился краснолюд. – Да не в пустоте. Императорским ратям фланги прикрывают «белки», вердэнские волонтеры и всякие вольные группы, а эти похуже нильфгаардцев будут. Такие-то Кернов и спалили и нас чуть было не сцапали, мы едва успели в леса дунуть. Нам туда нельзя носа высунуть из пуши. И все время надо быть настороже. Вот дойдем до Старой Дороги, а оттуда по берегу Хотли до Ины, а уж на Ине должны напасть на темерские войска. Солдаты короля Фольтеста, верно, тоже уже отряхнулись от неожиданности и дали отпор нильфгаардцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.